

Кристи
Вудсон Харви

НАСТОЯЩЕЕ
СОКРОВИЩЕ
ВАНДЕРБИЛЬТОВ

Кристи Вудсон Харви
Настоящее сокровище
Вандербильтов

Серия «В поисках утраченного счастья»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69241816

Вудсон Харви, Кристи. Настоящее сокровище Вандербильтов: АСТ;

Москва; 2023

ISBN 978-5-17-153284-0

Аннотация

Четыре женщины. Одна семейная реликвия. Тайная связь времен и поколений, которая изменит их жизни.

Джулия, поощряемая бабушкой, совершает побег с собственной свадьбы, узнав, что ее будущий муж изменял ей. Бросив все, Джулия отправляется на Виргинские острова, чтобы выяснить, чего она хочет от жизни. Там, одна проводя свой несостоявшийся медовый месяц, она переписывается с бабушкой, открывая для себя заново историю семьи.

В далеком 1914 году светская львица Эдит Вандербильт, отчаянно пытается сохранить свой знаменитый дом, поместье Билтмор, после смерти любимого мужа. Она полна решимости сохранить наследие Вандербильтов. Однако у ее дочери,

Корнелии, другие мечты – мир вокруг стремительно меняется и манит ее далеко за позолоченные ворота Билтмора.

Этих четырех необыкновенных женщин связала драгоценная семейная фата, которая обещала счастье ее обладательнице на всю жизнь. Но так ли важна семейная реликвия, если каждый сам является творцом своего счастья?

Содержание

Пролог. Волшебство 5 июня 1879 г.	6
Джулия. Следуя правилам. В наши дни	11
Эдит. Торжественно клянусь. 2 июня 1898 г.	22
Джулия. Сказка с изъяном	31
Эдит. Леди. 6 марта 1914 г.	42
Джулия. Бегство	57
Барбара. Кнут. В наши дни	72
Джулия. Не по графику	83
Корнелия. В последним путь. 6 марта 1914 года	97
Джулия. Покупайте билет	103
Эдит. Все люди – призраки. 11 апреля 1914 г.	110
Джулия. Изысканные заведения	120
Эдит. На возвышенности. 16 июля 1916 г.	132
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Кристи Вудсон Харви Настоящее сокровище Вандербильтов

Kristy Woodson Harvey
The Wedding Veil

© Kristy Woodson Harvey, 2022

© Новоселецкая И., перевод, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Посвящается

Моей невестке Дороти Коулман, моей кузине Сидни Пэттон и всем невестам. От каждой из вас есть немного в этой истории о том, что значит быть частью чего-то, что было, есть и будет еще долго после того, как вас не станет.

Пролог. Волшебство 5 июня 1879 г.

Шестилетняя Эдит Дрессер на роликах бороздила узорчатый шерстяной ковер в комнате матери – Сьюзан. Ноги передвигала с трудом: колесики плохо скользили по ворсу, словно утопали в песке. Зато сейчас, пока три ее сестры катались на роликах в столовой, ее восхитительная мама принадлежала ей одной. Эдит жила ради таких мгновений полнейшего счастья. Мама собиралась на вечерний прием. Обычно одеваться ей помогала камеристка, но той сегодня нездоровилось. Вместо нее перед маминым гардеробом стояла Эдит – ролики прибавляли ей рост, – восторгаясь висевшими в ряд туалетами на все случаи жизни.

– Дорогая, а если сегодня вечером я буду в розовом, как ты считаешь? – спросила Сьюзан. Эдит пыталась сосредоточить внимание на матери, но взгляд сам собой устремлялся в дальний угол узкого стенного шкафа.

– Мне нравится розовый цвет, мама. – Эдит неуклюже протопала к хорошо знакомому наряду и пальчиком робко провела по кружевному краю любимой вещи, которую они с сестрами обожали примерять: это была мамина подвенечная фата.

Сьюзан с улыбкой наблюдала, как дочь рассматривает самый ценный предмет ее гардероба. Поддавшись порыву, она встала у малышки за спиной, сняла с вешалки длинную фа-

ту и жестом велела Эдит следовать за ней. В окружении роскоши светлой спальни Сюзан надела на головку дочери дорожную сердцу «шапочку Джульетты», бережно касаясь украшающих ее жемчужин, и заулыбалась.

– Ах, какая прелесть моя девочка! – воскликнула она, расправляя на плечиках дочери отороченный по краю кружевном тюль, составлявший резкий контраст с серым шерстяным платьем Эдит. Та затаила дыхание, застыла, словно статуи во дворе, чтобы не дай бог не порвать фату.

Глядя в зеркало, Эдит видела, что она преобразилась. Да, на нее по-прежнему смотрело ее собственное отражение, в ее обычном платье, с любимыми роликами на ногах. И в то же время это была совсем не она.

Сюзан наклонилась к дочери, встретившись с ней взглядом в зеркале.

– В один прекрасный день – сказала она, – ты вырастешь и встретишь мужчину, которого сильно полюбишь, и тогда ты наденешь эту фату, как это сделала я, когда выходила замуж за твоего папу.

Эдит смотрела, как ее глаза широко распахиваются, воображая эту картину. Потом она наморщила носик.

– Мама, но я хочу остаться с тобой.

В других домах, знала Эдит, в таких же, в каком жила она, от маленьких девочек требовали, чтобы они были тише воды, ниже травы. Им не дозволялось кататься на роликах в комнатах и уж тем более примерять элегантные туалеты сво-

их мам. С какой стати у Эдит возникнет желание расстаться с мамой, которая разрешает ей держать во дворе с десяток черепашек?

Рассмеявшись, Сюзан присела на корточки перед дочерью, снова поправила на ней фату, обняла и сказала:

– Нет, Эди. Ты встретишь замечательного мужчину и станешь самой красивой невестой. Папа поведет тебя к алтарю, твои сестры будут сопровождать тебя в качестве подружек невесты, а мне придется шмыгать носом в платок и вытирать глаза от счастья и гордости за тебя.

Эдит пришла в замешательство.

– Если ты будешь счастлива, зачем же тогда плакать?

– Потому что мамы всегда плачут, когда выдают замуж дочерей.

Эдит смотрела на маму, пытаясь вспомнить, видела ли она когда-нибудь, чтобы та плакала от счастья. Нет, ничего такого она не припоминала, но, правда, Эдит, бывало, по многу часов не видела маму: у нее была своя жизнь, в которой Эдит не участвовала. По ее наблюдениям, маме нравилось жить с папой, а также с Эдит и ее сестрами – Сюзан, Полиной и Натали. Тогда не исключено, что и Эдит понравится иметь собственную семью. Но у нее есть условия. Подумав про свою любимую сказку, «Золушка», девочка заявила:

– Если мне суждено выйти замуж, пожалуй, я хотела бы быть принцессой.

Сюзан весело рассмеялась.

– Ну конечно. Ты обязательно станешь принцессой. Будешь жить в замке в большом-пребольшом поместье, где можно подолгу гулять и дышать свежим воздухом. У тебя будет своя камеристка и детская, где будут звенеть голоса славных малышей. Ты найдешь мужа, который будет любить тебя больше всего на свете и положит к твоим ногам всю землю и небо.

Это навело Эдит на чудесную мысль.

– Мама, а можно я выйду замуж за папу?

Сюзан снисходительно улыбнулась.

– Ну, вообще-то, у папы уже есть жена – я. Но ты найдешь такого же замечательного человека, как папа – доброго, красивого, любящего. И он будет заботиться о тебе так же, как папа заботится обо мне.

Эдит кивнула. Внезапно ей подумалось, что стать невестой – это очень, очень важно. Девочка снова посмотрела на себя в зеркало. Ах, какая красивая фата! Какая она сама красивая в этой фате!

– Это волшебная фата, да, мама?

Сюзан энергично закивала.

– Конечно, волшебная, милая, – шепотом отвечала она. – И ты раскрыла секрет ее волшебства. Надев эту фату в день своей свадьбы, ты будешь счастлива вечно.

Эдит напоследок еще раз взглянула на себя в зеркало, и у нее возник вопрос: должна ли она поделиться этой судьбоносной новостью со своими сестрами? Пожалуй, нет. А то

еще погубит свое счастье. Это только ее тайна, ее и мамина. Свадебная фата – волшебная. И, как только она наденет ее, ей будет обеспечена сказочная жизнь, которую обещала мама.

Джулия. Следуя правилам. *В наши дни*

Многие месяцы мама твердила мне, что в Эшвилле устраивать свадьбу в апреле рискованно. «Джулия, и снегопад может случиться», – снова и снова напоминала мне она.

Но сейчас, когда я стояла у кирпичной дорожки, что вела к зимнему саду в поместье Билтмор, и охваченная благоговением, с восхищением любовалась оранжево-желтым полем тюльпанов, тянувших свои головки к солнцу, мне казалось, что никакого снега и быть не может. Перед сооружением из кирпича и стекла стоял длинный стол под сводом из гирлянд роз, гортензий и, разумеется, тюльпанов.

– Идеально, – шепотом выдохнула в это священное безмолвие моя лучшая подруга Сара, которой была отведена роль одной из свидетельниц на моей свадьбе. В ответ я лишь кивнула, чтобы не нарушать тишину, продлить мгновение этого божественного покоя.

Сара взяла меня под руку.

– Готова?

Я машинально кивнула. А в каком, собственно, смысле? Разве к этому можно быть готовой? Бракосочетание еще только завтра, но свадебная неделя уже стартовала. Началось ей положил сегодняшней девичник. Пока мой суженый,

Хейз, вместе с друзьями стреляет по тарелочкам, пьет бурбон и предается всем прочим развлечениям, как полагается жениху и его шаферам накануне свадьбы, я буду здесь потягивать шампанское и есть сэндвичи в компании мамы, подругек невесты, моей тети и женщин из семьи Хейза, включая его мать. Отношения между ними сложные, отчего и мое отношение к этому мероприятию неоднозначное. Однако мои сомнения по данному поводу помогла развеять женщина, которой я обязана великолепием этого дня: моя бабушка, Барбара.

Может, человек и не способен повлиять на погоду – в конце концов, никто не властен над силами природы, – но бабушка была из тех женщин, которые, очевидно, могли устроить даже ясный безоблачный день. Вместе с моей тетей Элис, занимавшейся организацией свадьбы, она подобрала коричневые стулья «Кьявари»¹, что сейчас стояли вокруг стола, провела бесчисленное число встреч с флористом, до мельчайших подробностей обговорила меню для нынешнего обеда, и, ко всему прочему, каким-то образом добилась, чтобы день выдался теплым и солнечным, наполненным благоуханием восхитительных тюльпанов. Потому что это был *мой* день. Пусть ей и не очень нравился мой жених.

¹ Стулья «Кьявари» – модель банкетной мебели, разработанная на основе стиля французского ампира. Этот тип стульев получил свое название в честь итальянского города Кьявари, где он был создан Джузеппе Гаэтано Дескальци (1767–1855). Основное отличие стульев «Кьявари» – это немного упрощенное декоративное оснащение и в то же время освещение конструкции.

Бабушка *открыто* свое мнение никогда не выражала. Но я чувствовала, что она не одобряет мой выбор. Знала это.

Мама, напротив...

– Это здесь! Здесь! – пропела она у меня за спиной. Обернувшись, я увидела, что мама идет по тропинке со своей сестрой-двойняшкой.

– А мы-то надеялись, что придем сюда на часок пораньше, выпьем без никого по бокалу шампанского. Облом, – тихо произнесла Сара.

– Зато мама сама выглядит как бокал шампанского, – заметила я.

Она нарядилась в элегантное облегающее платье цвета шампанского, подпоясанное тоненьким ремешком, и изящные желтовато-коричневые туфли-лодочки. На тете Элис было до жути схожее платье голубого цвета, но с палантином. Эти туалеты на маме с тетей воочию я видела впервые, зато за последние месяцы мне про них все уши прожужжали.

– Обе выглядят роскошно, – похвалила Сара. – И в одном стиле. – Они сделали одинаковые прически, только мамины волосы были гораздо светлее, почти белокурые. А Элис все еще героически пыталась имитировать темный цвет, хотя ей приходилось постоянно бороться с сединой.

– Я тебе говорила про «ПауэрПойнт»? – спросила я.

Сара наморщила лоб, из чего я заключила, что она об этом не слышала.

– Бабушка брала уроки по освоению планшетов в гери-

атрическом центре, чтобы оказывать более действенную помощь в организации свадьбы. Всех в семье заставила прислать ей фотографии своих туалетов – в комплекте с обувью, аксессуарами и сумочками – на каждое мероприятие. Потом подготовила презентацию и разослала всем в качестве памятки. Скажем так, – добавила я, наблюдая за приближением мамы, – некоторые из первых вариантов ансамблей, что мы отправили бабушке, не прошли проверку.

Сара прыснула со смеху. Когда дело касалось семейных торжеств, бабушка ничего не оставляла на волю случая.

Улыбаясь, мама обняла и поцеловала Сару и меня.

– Нет, нет, – подхватила мою мысль мама и, передразнивая бабушку, отчеканила: – Это не запреты. Просто *коррективы*.

Элис взяла меня под руку.

– Ну что, пожалуй, мы справились. Здесь все готово. Мы все в подходящих туалетах. И снега нет.

– А если б даже шел? Какие проблемы? – полюбопытствовала я.

– А доставка продуктов? Это был бы суший кошмар, – ответила тетя Элис.

– Но где же бабушка? – спросила я, наконец-то заметив ее отсутствие. На этот обед мы все собирались в эшвиллском домике, что расположен в горах, в коттедже, которым ее семья владела на протяжении многих поколений, и я предположила, что бабушка отправится сюда с мамой и тетей Элис,

поскольку мы с Сарой уехали раньше.

В ту же секунду откуда-то сзади донесся ее голос:

– Девочки, давайте сюда, живо! Вы должны это видеть! – Одна из дверей зимнего сада распахнулась, и моему взору явилась бабушка во весь свой полный рост – пять футов два дюйма². Синий трикотажный костюм, маленькая шляпка, туфли-лодочки на маленькой шпильке. Она замахала рукой, подзывая нас, да еще с таким видом, будто это поместье принадлежало ей. Мы поспешили на ее зов.

Мне сказали, что торжественный обед будет проходить под открытым небом, в саду – для моей мамы, страшившейся снегопада, еще один повод поддаться панике. Но, переступив порог зимнего сада, я поняла, что это не совсем так. В окружении пальм, гортензий и орхидей, среди которых порхали райские птицы и – что самое удивительное – сотни бабочек, стоял маленький столик, а на нем – ведро с откупоренной бутылкой шампанского и пять бокалов. В мгновение ока бабушка принялась разливать шампанское, вручая каждой из нас по бокалу.

– Я подумала, что мы должны поздравить нашу девочку до того, как сядем обедать в саду, – объяснила она.

Я улыбнулась, обводя взглядом четырех своих самых любимых женщин. Порой мама сводила меня с ума, но я ее обожала. С тетей Элис они вечно то собачились по пустякам, то души друг в друге не чаяли, но обе мне всегда подставляли

² 5 футов 2 дюйма – примерно 1 м 60 см.

плечо. И Сара за меня стояла горой. С самого детства, с тех пор, как нам было по пять лет и она заступилась за меня, защитив от несправедливых обвинений в том, что я болтаю на уроке. Никого не удивило, что она стала государственным защитником. Ну и, конечно, бабушка. Образец стойкости, мужества и – как и любая замечательная бабушка – мудрости. Я черпаю у нее вдохновение каждый божий день.

– За мою умницу и красавицу Джулию, – произнесла она тост, поднимая бокал. – Тебе всегда было предназначено завоевать мир. Будь счастлива, родная моя.

Все радостно подняли бокалы, чокнулись. А я почувствовала, как меня охватывает знакомая паника. Неужели я выйду замуж? Завтра? За Хейза? И, пожалуй, самый важный вопрос: а нужно ли?

Следуй правилам, стала твердить я себе. *Следуй правилам*. Остальные, возможно, искренне пили за мою свадьбу, но бабушка устроила мне проверку. Спрашивала меня, почему я внезапно изменила себе, отказалась от той жизни, о какой всегда мечтала. Я приосанилась, отвела назад плечи, убеждая себя, что это *мое* решение. Мое будущее – это Хейз и наша семья, которую мы с ним создадим. Остальное образуется само собой.

В сад бабочек начали прибывать мои подруги. Откуда ни возьмись, появился мужчина в черно-белой униформе. Он стал разносить гостям шампанское. Надо же, сколько женщин пришли поддержать меня, мое решение сочетаться бра-

ком с любимым мужчиной! Значит, зря я извожу себя сомнениями. Глупости все это. Каждая девушка нервничает перед свадьбой. Разве нет?

Подняв глаза к потолку, я рассматривала десятки стеклянных панелей – ручной работы, не иначе, – которые образовывали крышу этого исторического здания. Интересно, что бы я чувствовала, разрабатывая чертежи массивных арочных окон, вставленных в обрамление этой чудесной кирпичной кладки? Осознав, что я завидую архитекторам, жившим более века назад, я невольно задалась вопросом: правильно ли я поступила, что отказалась от карьеры своей мечты? Я опустила глаза и заметила, что на ободок моего бокала села бабочка. Сара щелкнула фотокамерой в телефоне, выводя меня из раздумий. Бабушка постучала вилкой по бокалу.

– Дамы, прошу внимания. Сначала небольшой сюрприз, ну а потом уже за стол.

Гости взволнованно загудели. Я придвинулась ближе к бабушке и шепотом, чтобы не спугнуть бабочку, спросила:

– Мы пьем шампанское в зимнем саду. Чем не сюрприз?

– Джули, сюрпризов много не бывает. И в жизни, и уж тем более на торжественных приемах. – Бабушка вскинула брови. – Именно сюрпризы направляют нас на жизненном пути.

Словно услышав ее, бабочка-данаида на моем бокале расправила свои оранжево-черные крылышки и упорхнула в орхидеи, где ей было самое место.

В дверях появилась женщина лет пятидесяти пяти в черно-белой униформе экскурсовода Билтмора. В руках она держала стопку книг.

– Позвольте представить вам одного из замечательных гидов Билтмора, – во всеуслышание объявила бабушка. – Она проведет для нас экскурсию по зимнему саду и парку. А в честь свадьбы Джулии мы получим особый подарок. С помощью персонала Билтмора для каждой из присутствующих мы сделали фотоальбом, в котором собраны снимки со свадьбы Корнелии Вандербильт.

– Бабушка! – Я схватилась за грудь. – Не может быть! – Вместе с бабушкой я с детства периодически посещала Билтмор, бывала здесь много раз, и за годы взросления прониклась очарованием здания. Еще больше меня завораживала личность Корнелии Вандербильт – сначала девочки, потом – женщины, – которая выросла и жила здесь. Я знала, что она была первой невестой в Билтморе, но не припоминала, чтобы когда-либо видела фотографии с ее свадьбы. Экскурсовод вручила мне альбом, и сердце мое затрепетало от благодарности. Бабушка была такой чуткой и заботливой.

– Помнишь, как я впервые привела тебя сюда? – спросила она. – Тебе тогда было всего шесть лет, и архитектурные изыски Билтмора вызвали у тебя не меньший восторг, чем кондитерская.

– Ты – лучшая бабушка на свете, – рассмеялась я. – Дарила мне билет сюда каждый год на мой день рождения.

– А другие дети любят Диснейленд.

– Билтмор для меня и был Диснейлендом, – улыбнулась я. Бабушка обвила меня рукой за талию и привлекла к себе.

– Хорошо, что у нас появится еще одно воспоминание о Билтморе, что это место, которое мы всегда очень любили, станет частью самого особенного уик-энда в твоей жизни.

Я открыла фотоальбом на первой странице, и бабушка радостно захлопала в ладоши при виде фото Корнелии Вандербильт, стоящей у подножия парадной лестницы в Билтморе. На ней изысканный атласный туалет, в руках – букет орхидей и лилий.

– Взгляните на первый снимок в ваших фотоальбомах, – с улыбкой обратилась к нам экскурсовод. – Вы видите, что фата Корнелии украшена бельгийским игольным кружевом. – Я присмотрелась. Мы с бабушкой склонились над снимком и охнули в унисон.

– Вот уж и впрямь вещь, достойная восхищения, правда, дамы? – спросила экскурсовод.

У меня бешено заколотилось сердце. Ну что за глупости! Я просто чрезмерно взвинчена из-за свадьбы, взволнована сегодняшним обедом. С другой стороны...

– Вот это да! – восхитилась Сара, глядя через мое плечо. – Невероятно!

– Не то слово, – отозвалась я. – Свадебный туалет Корнелии где-нибудь экспонируется? – поинтересовалась я у гида. Женщина удрученно покачала головой.

– Платье безвозвратно утрачено, равно как и фамильная реликвия – фата, в которой выходили замуж Корнелия Вандербильт, ее мать Эдит, а также сестры Эдит и ее мама. Их местонахождение для всех остается загадкой. Но команда мастеров из Лондона по фотографиям не без труда воссоздала до мельчайших деталей свадебный туалет Корнелии. Он войдет в экспозицию выставки «Романтика моды», которая скоро откроется здесь, в Билтморе.

– Джули! – вскричала Сара. – Мы непременно должны ее посетить!

Я перехватила взгляд бабушки. Она наверняка тоже заметила.

– Бабушка?

– Что? – Ее лицо оставалось непроницаемым.

– Просто... – тихо заговорила я, отвернувшись от экскурсовода, – тебе не кажется, что эта фата похожа на *нашу*?

– Пожалуй, – вмешалась в наш разговор Сара.

– О, Джули, – улыбнулась бабушка, – думаю, твоя любовь к Билтмору просто сводит тебя с ума. – Она посмотрела на фото. – А что плохого в том, что в твой особенный день на тебе будет нечто столь же великолепное, как фамильная фата Вандербильтов?

Я пытливо всматривалась в ее лицо, но она лишь улыбалась.

– Итак, дамы! – громко произнесла тетя Элис. – Пришла пора чествовать нашу очаровательную невесту!

Я рассмеялась. Мои подружки, с бокалами в руках, окружили меня и повели к столу.

Я снова взглянула на фото Корнелии. Фата на ней была точь-в-точь как моя. Впрочем, мы ведь находились в Билтморе, где я прежде подолгу мечтала о том, как обрету свое счастье. И сегодня был канун моей свадьбы. Возможно, бабушка права: моя одержимость Вандербильтами в конце концов свела меня с ума.

Эдит. Торжественно клянусь. 2 июня 1898 г.

Каждая невеста хочет, чтобы в день свадьбы рядом с ней была ее мать. *Странное желание, если учесть, что твоей матери уже пятнадцать лет как нет в живых*, думала Эдит Стайвезант Дрессер в последние минуты перед тем, как должна была решиться ее судьба и ей предстояло взять новую фамилию. И все равно, когда сестра закрепила на ее голове фату – фамильную драгоценность из игольного кружева, – она невольно пожалела, что не мама помогла ей надеть атласное платье с воротником-стойкой, сшитым ее любимым французским модельером. Платье, достойное принцессы. Платье, достойное знатной наследницы. Платье, достойное носительницы фамилии Вандербильт.

– Ты обворожительна, – сказала Полина. – И будешь очень счастлива, – добавила она, сжимая обе руки сестры. Сюзан и Натали с восхищением смотрели на невесту.

Эдит обернулась, глядя на шлейф, отороченный точно таким кружевом, какое было на свадебном платье бабушки. Как написала газета «Нью-Йорк джорнал»: «У вас есть кружево – замечательно. У вас есть предки – еще лучше. Но, если у вас есть и кружево и предки, это превосходно».

Однако предки есть у всех. Пусть и не такие влиятельные,

могущественные, родовитые, как у нее. И почему в глазах общества фамилия имеет столь важное значение? Впрочем, это и к лучшему, рассудила Эдит. Если б не ее фамилия, вряд ли бы она стояла сейчас здесь, раз и навсегда кладя конец финансовым затруднениям последних лет.

Мама посоветовала бы не изводить себя тревогами, сказала бы, что ее происхождение дает ей огромные преимущества. А она за свои двадцать пять лет достаточно намучилась, подумала Эдит.

– Помнишь, как мы в детстве примеряли эту фату? – спросила Полина с мечтательностью в лучистых глазах: она всегда была романтической натурой.

– И мама говорила, что когда-нибудь мы все найдем себе чудесных мужей, – таких, как папа, – ответила за Эдит Натали. – Что эта фата принесет нам счастье.

Эдит улыбнулась. К своей огромной радости, она прекрасно помнила, как мама нежными белыми руками закрепляла фату на головках дочерей и в восторге хлопала в ладоши.

– Да, счастливое было время, – произнесла Эдит и, помолчав, добавила: – Правда, те деньки почти стерлись из памяти. – Сердце сжалось от пронизывающей душевной муки. Родители оставили ее сиротой, когда ей было всего десять лет.

Сюзан, самая старшая и самая серьезная из сестер, поспешила взять ее за руку.

– Я чувствую, что они оберегают нас. А ты?

Эдит кивнула. Она чувствовала влияние родителей на ее жизнь, словно они незримо присутствовали рядом, направляя каждый ее шаг.

– Я верю, что они одобрили бы мое бракосочетание с Джорджем.

Не потому, что она любила его: любовь – это блажь. Изысканное общество гудело, обсуждая истинные мотивы их союза: ей нужны деньги, чтобы и впредь вести привычный для нее образ жизни; он стремился связать себя прочными узами с аристократическим родом, чтобы утвердиться в высшем свете. Так устроен мир. Эдит убеждала себя, что родители приветствовали бы ее решение. Надеялась, что мама с папой ее бы поняли. А сестры, которые всегда были ей поддержкой и опорой, поощряли каждый ее шаг на избранном ею пути. Бабушка, умирая, оставила письмо, в котором напоминала им, что *дом, в котором царят дружба и единство, никогда не рухнет*. За последние пятнадцать лет на их долю выпало немало испытаний и невзгод, но Эдит и ее сестры всегда грудью стояли друг за друга, незыблемые как гора.

И теперь, здесь, сегодня, они будут праздновать победу.

Эдит смотрела в зеркале на свои опущенные плечи. Злополучная привычка сутулиться выработалась у нее с годами, потому как она всегда хотела казаться ниже своих шести футов³: женщинам полагалось быть изящными статуэтками, – во всяком случае, так считала Эдит. Частенько она сожалела,

³ 6 футов = 182.88 см

что природа не наградила ее более миниатюрными формами.

– Спину держи прямо, – велела ей Полина. Отводя назад плечи сестры, она и сама приосанилась. – Ты должна гордиться собой. Джордж Вандербильт выбрал тебя, во всей твоей великолепной красе.

Склонность Полины к выпренности порой доходила до смешного. Но, возможно, сейчас она была права. В свете Эдит постоянно расточали комплименты, восхищаясь ее манерой держаться, ее элегантностью и красотой. Не могли же все ошибаться. Нет, конечно. Эдит по очереди поцеловала сестер, готовых отправиться в церковь. Затем выпрямилась во весь свой немалый рост и приняла величественную горделивую позу.

Входя в Американскую церковь святой Троицы в своем любимом Париже, она и вовсе натянулась как струна, отчего казалась еще выше. На церемонию бракосочетания из Нью-Йорка приехали все Вандербильты. И через несколько минут Эдит войдет в их семью.

– Готова? – спросил ее брат Лерой, выводя Эдит из раздумий.

Она улыбнулась. После смерти родителей Лерою пришлось несладко. Среди детей Дрессеров он был единственным мальчиком, и Эдит догадывалась, что брат оказался в незавидном положении. Но сегодня это был сильный энергичный молодой человек, которому предстояло повести к алтарю сестру.

– Думаю, да, – ответила она. В ее голосе прозвучала уверенность, которой она отнюдь в себе не чувствовала.

– Ну, вообще-то, еще не поздно и передумать, – пошутил Лерой.

– Да нет, теперь уже поздно, – прошептала Эдит, зная наверняка, что она не стала бы отменять свадьбу, даже будь у нее такая возможность.

Замужество – ее единственная миссия, самая важная роль в ее жизни. И сегодня она исполнит свое предназначение. Сделав глубокий вдох, в сопровождении Лероя Эдит ступила в усыпанный цветами проход.

Многие месяцы друзья, совершенно чужие люди, репортеры с любопытством следили за развитием событий, которые должны были увенчаться пышным зрелищем – бракосочетанием Эдит с одним из представителей «четырехсот», как окрестили когорту богатейших семей Америки. Джордж Вандербильт не кичился своей принадлежностью к тому изысканному обществу, тем, что он входит в круг избранных, имеющих доступ в бальную залу миссис Кэролайн Астор⁴, куда он даже не заглядывал, что восхищало в нем Эдит. В отличие от своих сестер, Джордж был равнодушен к маскарадам и прочим подобным развлечениям. Не увлекал его и бизнес, которому посвятили себя его отец и братья.

⁴ Кэролайн Уэбстер Шермерхорн (более известна как Кэролайн Астор; 1830–1908) – известная американская светская львица 2-й половины XIX в., авторитетная личность в американском светском обществе, давала пропуск в высший свет.

Джордж избрал иную стезю: книги, ученость, искусство, дизайн. Свои усилия он сосредоточил на строительстве дома, какого в Соединенных Штатах Америки еще не видывали.

А потом он остановил свой выбор на Эдит, хотя ей было уже двадцать пять лет и в свете ее считали старой девой, а журнал «Форм» написал, что в красоте она заметно уступает своей сестре Полине. Та вышла замуж за священника Джорджа Гренвилла Меррилла, которому выпала честь сочетать браком Эдит и Джорджа, и Эдит, перехватив взгляд зятя, напомнила себе, что Полина – самая очаровательная женщина на свете. За это она не держала зла на сестру.

Поговаривали, что закоренелый холостяк, тридцатипятилетний Вандербильт нацеливался на другую светскую львицу. Но в этот великолепный благоухающий июньский день, когда он ждал невесту у алтаря, к которому вел обрамленный флердоранжами проход, никто не посмел бы это утверждать. Джордж Вашингтон Вандербильт, вне сомнения, отдал предпочтение мисс Эдит Дрессер.

Шествуя с Лероем к алтарю, Эдит поймала взгляд мерцающих глаз Джорджа и прониклась уверенностью, что он будет ей замечательным мужем. Накануне он уже совершил поступок, согревший ей сердце: после гражданской церемонии бракосочетания Джордж счел необходимым сделать пожертвование Восьмому округу на Рю-д'Анжу, где они скрепили свой союз. Эдит особенно покорило то, что он у нее спросил: «Кому мы должны сделать пожертвование, дорогая?».

Мы. Джордж ценил ее мнение. Он уже воспринимал их как единое целое. И когда предложил, чтобы они направили свою помощь сиротам округа, Эдит едва не расплакалась от счастья. Она была тронута до глубины души, поскольку сама рано лишилась родителей, хотя ее сиротство проходило в куда более благополучных условиях, нежели у тех детей, которым они помогали. Эдит мечтала приносить пользу обществу. И Джордж, она поняла, хотел того же. Из-за этого порой оба в своем кругу чувствовали себя белыми воронами. Так что они идеально подходили друг другу. *Дом, в котором царят дружба и единство*, как завещала ей в своем письме бабушка.

– Ужасно не люблю быть в центре внимания, – тихо сказала Эдит, останавливаясь рядом с Джорджем. – Вон как все на меня смотрят.

– Ты обворожительна, дорогая, – отвечал Джордж, беря Эдит за руку. – Все тобою ослеплены. Подожди, то ли еще будет, когда мою молодую жену увидит Эшвилл. – И Эдит подумалось, что, возможно, ей следовало надеть на свадьбу тиару и кольцо – рубиново-бриллиантовый гарнитур ювелирного дома «Бушерон», что подарил ей Джордж. Но, потрогав кружево ручной работы, украшавшее ее фату, она решила, что сестры были правы: элегантный свадебный туалет без лишних украшений смотрится гораздо изысканней.

– Возлюбленные братья и сестры, мы собрались здесь вместе пред очи Господа, – начал преподобный Меррилл, и Эдит

велела себе сосредоточиться на церемонии. Но мысль о том, что после свадьбы она переедет в Эшвилл (Северная Каролина) и поселится в самом величественном, самом роскошном и самом чарующем особняке в США, вызвала трепет во всем теле.

Несмотря на трагическую потерю родителей и беды, свалившиеся на ее семью после их смерти, Эдит удавалось сохранять самообладание и порой даже по-настоящему радоваться жизни. У нее был бойцовский характер. Она никогда не падала духом. Более того, она была из тех женщин, которые умеют обращать в свою пользу любые обстоятельства. Что бы ни уготовила ей жизнь в Северной Каролине, она выживет.

Ну уж нет, решила Эдит. Я буду не просто выживать, а жить с размахом.

– Ты согласна взять в супруги этого мужчину? – спросил муж ее сестры, и у Эдит перехватило дыхание.

– Да.

После того, как Джордж тоже согласился взять ее в жены, Эдит улыбнулась, думая, что по окончании церемонии, до того как уехать в Северную Каролину, они отправятся в менее чуждый для нее город – в Вену. За четыре месяца путешествия по Европе они лучше узнают друг друга, укрепят свой союз, и в свой новый дом она уже въедет с человеком, который будет ей надежным спутником жизни.

Я – Дрессер. Была и буду, думала Эдит, давая брачный

обет:

– Я, Эдит, беру в мужа тебя, Джордж. – *Несмотря на то, что сегодня я войду в семью Вандербильтов.* – Отныне и навсегда. – *Стану одной из Вандербильтов.* – Торжественно клянусь.

– Итак, что сочетал Господь, того человек да не разлучит, – громогласно заключил преподобный Меррилл.

И Эдит Стайвезант Дрессер стала Эдит Дрессер Вандербильт. Представительница американской аристократии сочеталась браком с сыном одного из богатейших семейств страны.

Служба завершилась чтением молитвы Господней. Эдит улыбалась мужу. Тот улыбался в ответ. Они были связаны неразрывными узами. Что бы ни уготовило будущее, им предстояло быть вместе в радости и в горе, в бедности и богатстве, в болезни и в здравии, присно и во веки веков.

Тогда Эдит и подумать не могла, что для нее «пока смерть не разлучит нас» будет знаменовать лишь новое начало.

Джулия. Сказка с изъяном

Я хотела расспросить бабушку о прекрасной Корнелии Вандербильт, чье фото мы только что видели, но не успела: мама принялась выпроваживать всех из зимнего сада, требуя, чтобы мы шли к столу. *Во время свадебного уик-энда самое главное – твердо придерживаться намеченного распорядка*, неустанно напоминала мне тетя Элис. А я-то думала, что самое главное – это мое бракосочетание с любимым человеком. Видимо, ошибалась.

Только я собралась выразить протест, указав, что еще не приехала мама Хейза, как та появилась – на высоченных шпильках, в синем облегающем платье, идеально сидевшем на ее фигуре. Мне с ней не часто случалось встречаться, поэтому каждый раз, когда я ее видела, меня поражала красота этой удивительной женщины с рыжевато-каштановыми волосами, каскадом падавшими ей на плечи. Мои мама и тетя тоже имели привлекательную наружность, но Тереза была просто бомба. Бомба, да еще и управляющий высшего ранга.

Она подошла и чмокнула меня в щеку, распространяя вокруг себя свой фирменный аромат, созданный одним из знаменитых парфюмерных домов Франции, где она жила. Тереза была женской копией Хейза. Он унаследовал ее голубые глаза, вплоть до искорок, а также ее послушные мягкие волосы, непринужденный смех и широкую улыбку. В мину-

ты, подобные этой, я порой забывала, пусть даже на мгновение, что отношения между ними напряженные. Забывала, что в тот день, когда я познакомилась с Хейзом – вечером, после футбольного матча между командами наших школ, – его мать бросила свою семью. Во всяком случае, муж и сын отказались поехать вместе с ней.

– Я ужасно рада, что этот день наконец-то наступил, – произнесла Тереза ровным, но довольным тоном. Она выработала в себе навык всем своим видом излучать авторитетное спокойствие, и мне всегда казалось, что я в сравнении с ней просто какой-то сгусток неконтролируемой энергии. – И выглядишь ты весьма эффектно! Я безумно счастлива, что вы с Хейзом наконец-то решили официально оформить свои отношения.

– Дамы, прошу всех занять свои места за столом, – призывала тетя Элис. Судя по ее голосу, она нервничала. Мы уже четыре минуты как должны были сидеть за столом. Позже, я знала, она скажет: «Эта Тереза думает, что, раз ноги у нее растут от ушей, она выше всякого распорядка. Ничего подобного. Распорядок один для всех».

Когда все расселись и официанты принялись разносить салаты, я заметила, что бокалы уже наполнены розовым вином. Пока я переговаривалась с гостями, вокруг меня, вне сомнения, разворачивалась бессловесная битва. Бабушка сердитым взглядом укоряла Элис за то, что вино разлили по бокалам до того, как мы сели за стол. Та, тоже сердитым

взглядом, огрызалась: да, она понимает, что это нарушение этикета, но не было другого способа наверстать потерянные драгоценные минуты в ее четко расписанном распорядке, к тому же уже почти полдень. Я словно наяву слышала, как она говорит: «Господи, к двум часам я должна всех выпроводить отсюда, иначе, видит Бог, мы просто не успеем сделать прически и макияж к репетиции, намеченной на пять».

Я улыбнулась, думая об этом. Потом краем глаза заметила в стороне какое-то движение и невольно вскочила со стула. *Прости, тетя Элис.* По газону шел, в зеленой охотничьей куртке, с ружейным футляром на плече, самый красивый мужчина на свете. Оттого что он все утро ходил в шляпе, волосы его были взлохмачены, наделяя его еще большим обаянием. Он улыбался мне во весь рот, заставляя мое сердце колотится быстрее, даже теперь, после всех наших многочисленных размолвок и примирений. Я была уверена, что все остальные женщины едва не попадали в обморок, когда он заявил:

– Да, знаю, меня здесь быть не должно, но я просто не мог не увидеть мою девочку.

Хейз чмокнул меня в щеку. Все улыбались ему, вытаращив глаза от изумления. Все, кроме тети Элис. Та сверлила его гневным взглядом.

Я собралась было предложить ему пообедать вместе с нами, но тут за столом разразилась какофония телефонных сигналов: дзиньканье, пиканье, жужжание, треньканье. При

обычных обстоятельствах я даже не взглянула бы на свой телефон во время обеда, но, увидев встревоженные лица окружающих, инстинктивно схватила свой мобильник. Должно быть, какое-то грозное оповещение. Похитили ребенка. Или погода портится. Мамин кошмар – снегопад!

Хейз тоже достал свой телефон, открыл сообщение, и в его лице отразился ужас. Я разблокировала экран. Это было не предупреждение о перемене погоды. Это была рассылка, с неизвестного номера, всем, кто сидел за столом, а также мужчине, с которым на следующий день я собиралась идти к алтарю. Я запустила полученное видео и за несколько секунд, пока Хейз не выхватил из моей руки телефон, увидела достаточно.

На ум сразу пришли слова бабушки, сказанные некоторое время назад: «Именно сюрпризы направляют нас на жизненном пути».

Охваченная паникой, я посмотрела на Терезу. Вспомнила вечер знакомства с Хейзом, наш первый с ним разговор: в его глазах стояли слезы, и не только из-за разгромного поражения в футбольном матче. В тот вечер, едва я осознала, что его мать бросила единственного сына ради перспективной должности в другой стране, у меня возникло непреодолимое желание взять Хейза под свою опеку. И я всегда старалась быть с ним рядом – несмотря ни на что. Но он, выходит, не испытывал ко мне столь же глубокой привязанности.

Сгорая от позорного унижения, я подняла глаза на Хей-

за. В голове ощущалась подозрительная легкость; казалось, я вот-вот лишусь чувств. На присланном видео мой жених на какой-то дискотеке страстно обнимался с другой девушкой.

Взгляды всех, кто сидел за столом, были обращены на меня. Первой опомнилась Сара. Она вскочила со своего места, положила руку мне на спину. И я наконец-то пришла в себя. Прикосновение ее руки вернуло меня в реальность. И я со всех ног помчалась прочь, так что она едва за мной поспевала.

– Джулия! Это не то, что ты думаешь! – кричал Хейз, бросааясь за нами следом.

Игнорируя его, я неслась через парк к стоянке. То, что еще недавно воспринималось как волшебный луг тюльпанов, внезапно превратилось в засасывающее болото обреченности.

Наконец я выбежала на асфальт и остановилась, осознав, что понятия не имею, куда податься. За руль садиться мне было нельзя: я выпила слишком много шампанского. Меня нагнал Хейз.

– Не представляю, откуда взялось это видео, – произнес он, тяжело отдуваясь. Я смотрела на него как на чужого. – Это было бог знает когда. Я даже имени ее не помню.

– Бог знает когда? – фыркнула я. – Хейз, мы с тобой встречаемся десять лет! А на этом видео на шестнадцатилетнего подростка ты не тянешь.

– Джули, ты должна мне верить. – Он шагнул ко мне, по-

пытался взять меня за руку. Я ее отдернула. – Я не лгу. Это было очень давно. И всего один раз.

Мое лицо пылало, но не от быстрого бега, а от стыда. Меня не просто унизили. Меня унизили перед женщинами, которые мне дороги. Я хотела убедить их, что у меня будет идеальный брак, счастливая жизнь. Если они в это не могут поверить, на что должна рассчитывать я сама?

– Ты ее недостойн и никогда не был достоин, – прошипела Сара. Только тогда я заметила, что она все еще стоит рядом.

– Сара, будь добра, не могла бы ты оставить нас? – попросил Хейз. – Это наше личное дело.

– Оставить вас? – саркастически переспросила она. – Мм, нет. Оставить вас я не могу. И ты ошибаешься, козел. Это уже не ваше личное дело. Видео выложено в сеть. К ночи его будут обсуждать все кому не лень, даже те, кого мы в глаза не видели. – Я понимала, что Сара права. Такие видео распространяются, как пожар. Сознать это было больно и горько, ведь я надеялась, что завтрашний день положит начало нашей совместной жизни, пока смерть не разлучит нас.

Хейз снова повернулся ко мне, посмотрел в глаза.

– Джули, ты – любовь всей моей жизни. Я не могу жить без тебя. Клянусь, это видео было сделано много лет назад, и я даже затрудняюсь сказать, откуда оно. Я никогда не стал бы обманывать тебя. Мы с тобой поженимся. Я буду пылинки с тебя сдувать.

Я больше не плакала. Плакал он.

– Не представляю, кому пришло в голову разослать это видео, но этот человек ничего не знает о нас. Джули, прошу тебя, не позволяй какой-то глупости разрушить нашу свадьбу. Ты заслуживаешь счастья. Мы так долго мечтали об этом дне. – Я смотрела ему в глаза и удивлялась, что для меня они такие же, как всегда. Именно это и было основой нашего союза. Окружающие видели в Хейзе невозмутимого собранного красавца. Но только мне он открывал душу, только передо мной обнажал свои шрамы.

– Мы подумаем над тем, что ты сказал, – ответила вместо меня Сара. К нам подходили остальные мои подруги. В этот момент я никого не хотела видеть. Но все же Хейз заслуживал хорошей взбучки.

– Вы не вправе отнимать ее у меня, – вскричал Хейз. – Она – любовь всей моей жизни.

– Возможно, видео было сделано во время очередного вашего расставания, – предположила Эшли, одна из моих университетских подруг и неисправимая оптимистка.

– Что?! – возмутилась Ли, извечная реалистка. – Ты хочешь убедить всех в том, будто мы не знаем, что Хейз обманщик?

– Я не обманщик! – попытался возразить он. Я слышала голос Хейза, но самого его уже не видела: подруги оттеснили его от меня, заслонив собой.

– Джули, меня это беспокоит, – заявила Кэтрин. Можно подумать, что мне от этого стало легче. Хейз наконец-то про-

рвался через заслон, взял меня за руки, глядя мне в глаза, и затем показал свой телефон.

– Видишь, какое низкое качество съемки? Такое плохое видео можно снять только устаревшим телефоном, а ими уже никто не пользуется. Ясно же, что это давнишнее видео.

Даты на видео не было, место съемки я тоже не узнавала. Это мог быть любой бар в любом городе.

– Детка, это случилось в тот период, когда мы с тобой не встречались. – Мы с ним действительно неоднократно прерывали отношения. Последний раз – буквально несколько месяцев назад: до меня дошли слухи о том, что Хейз завел роман с какой-то девицей из его компании, и я отменила помолвку. И он заставил эту женщину позвонить мне и опровергнуть порочащие его слухи, чем поставил в неловкое положение нас обеих. Я не сразу его простила, но потом... у меня случилась большая неприятность, а Хейз всегда был для меня спасительной гаванью. И мы снова сошлись. Кажется, сам бог велел нам быть вместе.

– Я даже не помню, когда точно это было. В те ужасные периоды размолвок я не жил, а существовал. Все они слились в одно неясное пятно. Но теперь это неважно. Я люблю тебя. У нас с тобой свадьба.

В печали он был так прекрасен. Но нет. *Нет.* Это мы уже проходили. Не хочу, чтобы он снова разбил мне сердце.

– Мы *собирались* пожениться, – выдавила я из себя, затем сняла с пальца кольцо, что Хейз подарил мне на обручение, и

швырнула ему. Он сумел поймать кольцо. Мне стало грустно. Когда Хейз надел мне на палец то кольцо, я думала, что наконец-то судьба моя свершилась.

Все еще держа кольцо в руке, Хейз нерешительно шагнул ко мне.

– Джули, клянусь, я не изменял тебе, когда мы были вместе. К тому же, это ерунда. Дурацкая интрижка. Я и сам жутко из-за этого переживал, когда отношения между нами снова наладились. А тебе не говорил именно потому, что эта глупость не имеет ровно никакого значения.

– Для меня это не ерунда, – хмуро произнесла я.

– Неужели ты сама ни разу в жизни не ошибалась? – Он помолчал, улыбаясь мне. – Впрочем, что я говорю. Нет, конечно. Ведь ты, Джулия Бакстер – само совершенство.

Хейз привлек меня к себе, и я не сопротивлялась, потому что, да, однажды я тоже оступилась: на одной вечеринке в колледже обнималась с парнем после того, как мы с Хейзом сильно повздорили. Я тогда считала, что между нами все кончено. И все равно... Я тоже один раз согрешила. И для меня та глупость не имела значения. Так что, пожалуй, мы квиты.

Другой внутренний голос указывал мне, что это уже заведенный порядок. Но я его проигнорировала. Как игнорировала многие годы. Игнорировала потому, что у меня никогда не было доказательств. Игнорировала потому, что любила Хейза, его красивое лицо, накрахмаленные рубашки. Мне

нравилось, как потрясающе мы вместе смотрелись на фотографиях. Нравилось, что он всегда говорил правильные вещи. Я игнорировала тот свой внутренний голос, потому как еще в шестнадцать лет дала себе слово, что буду заботиться об этом израненном грустном юноше, помогу ему снова стать самим собой, и даже спустя десять лет я не могла нарушить тот свой обет. В январе я проигнорировала свой внутренний голос, потому что впервые возникла необходимость в том, чтобы *он* помог *мне* залечить раны. Мне требовалась помощь, и я сочла, что удобнее всего обратиться к Хейзу. Мы много раз пытались разбежаться, но всегда находили дорогу назад друг к другу. Разве это не любовь?

Ну и к тому же сегодня был канун нашей свадьбы. Место ее проведения было оплачено, еда и напитки приготовлены, музыканты практически добрались до отеля. Не было никакой возможности уведомить двести человек гостей о том, что бракосочетание отменяется.

Посему, когда Хейз снова надел мне на палец кольцо, я не встала в позу.

– Дамы, – обратился он к армии моих подруг, – это видео устаревшее, чистой воды провокация. Я сожалею, что оно испортило вам день. Но, пожалуйста, усвойте: Джулии я буду очень хорошим мужем – самым лучшим, самым надежным. – Девушки заулыбались. В лицах их сквозила настороженность, но все же они улыбались.

Хейз поцеловал меня, и я, вдыхая его запах, позволила

ему обнять себя.

– Джули, ну что за глупости, – сказал он. – Как ты вообще могла подумать, что я посмею тебя обидеть? Ты ведь знаешь меня лучше, чем кто бы то ни было.

Я действительно знала его лучше, чем кто-либо другой. И, чувствуя, как тревожно сжимается мое сердце, я осознала, что как раз в этом и крылась проблема.

Хейз был раненой птичкой, *моей* раненой птичкой, а значит, я была обязана его оберегать, спасать и лечить. В этот момент я поняла, что многие сказки с изъясном начинаются именно так.

Эдит. Леди. 6 марта 1914 г.

Эдит снова подоткнула под мужа красное одеяло. Джордж лежал в своей спальне на Кей-стрит в Вашингтоне.

– Красный – мой любимый цвет, – сонно произнес он. – Цвет, символизирующий могущество.

Покои Джорджа в особняке Билтмор и пышная комната в стиле эпохи Людовика XV, где Эдит произвела на свет их дочь Корнелию, тоже были убраны в красных тонах. В любой другой день Эдит, возможно, согласилась бы с мужем, но сегодня, после ночных кошмаров, красный цвет в ее восприятии слишком уж живо напоминал кровь.

Джордж отложил книгу и похлопал ладонью по постели возле себя.

– Я не могу сесть рядом, – ужаснулась Эдит. – Еще, чего доброго, задену, причиню тебе боль.

– Эди, дорогая, это была обычная аппендэктомия. Операция прошла успешно. Так сказал доктор Финни.

Эдит прекрасно знала, что сказал доктор Финни. Возможно, операция Джорджа вызвала неприятные воспоминания, связанные со смертью ее родителей. И все же она не могла отделаться от беспокойства...

– Я скучаю по Билтмору, – промолвила она, меняя тему разговора.

Джордж кивнул и, морщась, сел в кровати чуть повыше.

– Я тоже. Скорее бы уж вернуться туда. – Улыбаясь, он взял ее за руку, и Эдит наконец-то сдалась. Она осторожно опустилась на кровать подле мужа. – Порой, когда у меня плохое настроение, я вспоминаю, как впервые привез тебя туда.

Эдит улыбнулась. Она могла бы по пальцам пересчитать те дни, которые она помнила до мельчайших подробностей. Те идеальные мгновения счастья, озарившие ее жизнь сразу после свадьбы, навсегда врезались в ее память.



1 октября 1898 г.

Эдит сидела в личном вагоне Джорджа и, охваченная волнением, то и дело теребила перья на вороте своего серого дорожного платья и разглаживала на себе его юбку. Вовсе не потому, что юбка измялась, а из-за того что она нервничала. *Дамам не пристало ерзать и суетиться*, напомнила себе Эдит. Она объездила весь белый свет, где только не жила, и была уверена, что сумеет адаптироваться на любом новом месте. Даже если ей не понравится Билтмор-Хаус, напомнила себе Эдит, они могут поселиться где-то еще: например, в особняке Джорджа на Пятой авеню или в Бар-Харборе. Если она соскучится по Парижу, Джордж, по природе своей любитель путешествий, наверняка согласится вернуться во Фран-

цию. Ей не придется торчать в Билтморе, если она не полюбит тот особняк так, как любит его ее муж.

Эдит взглянула на сидящего рядом Джорджа. Вагон, в котором они ехали, был столь роскошен, что она, пожалуй, могла бы жить прямо в нем, если Билтмор ее не устроит. Но по мере приближения к поместью Джордж приходил все в большее возбуждение.

– Какой там парк. А вид – просто загляденье! – говорил он. – Я купил эти земли из-за горы Фасги. Повелительницы леса.

Во время медового месяца Эдит заметила, что ее муж много читает и его речь напоминает певучую прозу романа. Она вдруг испытала столь мощный прилив любви к нему, что непроизвольно взяла его за руку.

– Мы должны придумать ей имя, – подмигнул он Эдит, сжимая ее ладонь в ответ.

Она покраснела. Пусть это была не совсем подходящая реакция для леди, но Эдит не расстроилась.

– Все-таки дороги судьбы неисповедимы. Удивительно, да? – спросил Джордж, глядя на Эдит с нежностью и восхищением, словно на королевскую драгоценность. – Я и до медового месяца был уверен, что ты – утонченная воспитанная светская дама – будешь идеальной хозяйкой такого дома, как Билтмор, сумеешь организовывать светские приемы, чем я предпочел бы не заниматься. Но, должен признаться, дорогая, что за последние месяцы я сильно к тебе привязался.

Возможно, на нее так подействовали красоты Борромейских островов, открывавшиеся с террасы, или древние сады, что они посетили во время своего заграничного свадебного путешествия, но после четырех месяцев странствий, ступив на борт корабля «Августа Виктория», чтобы вернуться домой вместе с мужем, Эдит уже была предана Джорджу душой и телом. И он, она чувствовала, тоже полюбил ее: Джордж настоял, чтобы они сделали остановки в Леноксе (штат Массачусетс) и в Шелбурне (штат Вермонт), дабы похвастаться своей молодой женой перед сестрами Эмили и Лайлой. Его нынешнее признание подтверждало ее догадку.

– И мои родные тоже от тебя в восторге, – добавил Джордж, вторя ее мыслям.

Эдит просияла от гордости, ведь она старалась им понравиться. Одна из его сестер по секрету поведала Эдит, что они всегда баловали Джорджа и не ждали от него великих свершений. Он не был бизнесменом, как его отец и братья. Его больше привлекали интеллектуальные занятия, что, честно говоря, не находило понимания у мужской половины семейства Вандербильтов. Билтмор и, в особенности немодное место, где он был возведен, служили еще одним примером его несхожести с родственниками.

– Да, магия судьбы, – довольно произнес Джордж.

Магия судьбы? Эдит едва не расхохоталась.

– Ты имеешь в виду нас? – уточнила она.

– Конечно. – Джордж взял жену за руку. – Вспомни: ведь

мы случайно оказались на борту «Сент-Пол», а там наши пути пересеклись, и мы поняли, что предназначены друг для друга.

Эдит рассмеялась и шутливым тоном указала:

– По-моему, на «Сент-Поле» были все, кого мы только знаем.

– По крайней мере, именно тебя мои неугомонные сестры приглядели для меня, а это что-то да значит, – с усмешкой парировал Джордж.

Эдит расхохоталась. Сестры Джорджа, как она потом выяснила, знали, что Эдит будет на борту того корабля, и поручили его другу, Уильяму Б. Осгуду Филду, выступить в роли свахи. Если Джордж называет «судьбой» Филда, который так много усилий приложил для создания их союза, что газеты объявили об их помолвке... что ж, тогда это действительно магия.

– Дорогой, не могу не спросить...

Лицо Джорджа озарилось в предвкушении вопроса о Билтморе. Увы, придется его разочаровать, подумала Эдит.

– Мои рождественские подарки были непростительно провокационными?

Они оба прыснули со смеху. После частых «случайных» встреч на борту «Сент-Пола», во время которых Эдит нередко приходилось бороться с морской болезнью, и довольно тесного общения в Париже, где они проводили вместе много времени, Эдит дерзко заявила: если Джордж Вандербильт

намерен заполучить ее, то пусть лучше не тянет с предложением руки и сердца. И подарила ему «Камо грядеши» – роман о любви, в которой Джордж, проницательный читатель, не мог не усмотреть сходства с собственной историей любви – точнее потенциальной историей любви – к Эдит. А в дополнение к роману? Брошюрку о долготерпении. Даже Сюзан, которая не очень-то была рада, что ее сестра связалась с *Вандербильтом*, сочла поступок Эдит весьма забавным.

– Думаю, они были подобающе провокационными, дочь Богов.

В газетах и журналах как только ее ни величали – лестно и не очень, – в том числе «истинной дочерью Богов». В частности, это именование, придуманное «Вашингтон таймс», Джордж счел настолько подходящим, что сам стал использовать его в качестве прозвища Эдит. И, по ее мнению, оно было куда более приятным, чем высказывания о безденежье самой аристократичной аристократки Америки. Многие месяцы о предстоящей свадьбе одного из Вандербильтов писали больше, чем об Испано-американской войне⁵, так что Эдит устала от комментариев в свой адрес: обсуждались ее личные качества и внешность – рост, фигура, черты лица, волосы, – а также воспитание и образование.

Дошло до того, что в один прекрасный день Джордж вос-

⁵ Имеется в виду военный конфликт между Испанией и США в 1898 г., в ходе которого США захватили принадлежавшие Королевству Испания с XVI в. Кубу, Пуэрто-Рико и Филиппины.

кликнул: «Да что ж это такое?! Ты – моя невеста, а не кобыла!».

К Джорджу газеты были добреe, но не намного. Строились предположения относительно того, почему он раньше не женился; казалось, никто не хотел верить в то, что тридцатипятилетний закоренелый холостяк наконец-то решил остепениться.

– Смуглая лошадка, – отвечала Эдит, назвав Джорджа ее любимым прозвищем, которое газеты дали ее мужу, – я безумно рада, что мне удалось привлечь твое внимание.

– Ты его привлекла, и оно принадлежит тебе, – тепло улыбнулся ей Джордж.

Поезд подползал к перрону, и Эдит снова объял нервный трепет.

Вне сомнения, все взгляды были обращены на новоявленную миссис Вандербильт, когда она выходила из вагона с приклеенной улыбкой на лице. Эдит не осуждала местных жителей. Многие годы Джордж – и Билтмор, если уж на то пошло – принадлежали им. А теперь, по крайней мере, отчасти, они стали и ее достоянием. Ей придется доказать обитателям Эшвилла, что она достойна их любви.

Все три мили, что они ехали по изумительно живописной дороге, Эдит пыталась сдерживать возрастающее волнение, слушая Джорджа. Он объяснял, что мистер Фредерик Ло Олмстед, знаменитый ландшафтный архитектор, создавший Центральный парк, спроектировал подступы к особня-

ку таким образом, чтобы у всякого, кто приближался к нему, возникало ощущение, будто сейчас его взору откроется диво дивное. Джордж переживал, что его невеста первый раз увидит Билтмор не летом. Но, на взгляд Эдит, этот октябрьский день был не менее прекрасен.

– Лиственный убор впечатляет, правда? – спросил Джордж, выводя ее из раздумий.

– Ну как тут можно не влюбиться? – отозвалась Эдит, очарованная буйством оранжевых, желтых и янтарных красок вокруг. Осень пылала всеми оттенками огненных цветов, словно приветствуя миссис Вандербилт, как и слуги, которые выстроились вдоль дороги, встречая хозяев.

– Разве я мог не влюбиться? – отвечивал Джордж, многозначительно глядя на нее.

Эдит отвела взгляд, чтобы сдержать прилив крови к лицу, румянцем окрашивавший ее щеки. Воздух наполнился благоуханием роз и гвоздик, а также ликующими возгласами нескончаемой череды работников поместья, мимо которых они ехали. Эдит махала и улыбалась всем, охая от восторга при виде прелестных телят джерсийской породы, которых привели с собой доярки, чтобы приветить их новую хозяйку.

– Я запомню по именам всех работников поместья, – уверенно произнесла Эдит.

Джордж вскинул брови.

– Эди, в поместье работает триста человек. Думаю, вполне достаточно будет запомнить по именам хотя бы домашнюю

прислугу, коей тоже немало – несколько десятков.

Она покачала головой, улыбаясь мужу.

– Я теперь неотделима от Билтмора. Мы с тобой заодно. И они должны знать, что мы их чтим и уважаем.

Джордж сжал ее колено. Он не сводил глаз с лица жены, словно чего-то ждал.

Но вот они достигли цели своего путешествия, впереди внезапно вырос во всем своем великолепии Билтмор-Хаус, и Эдит ахнула. Ничего подобного она в жизни не видела. На ум сразу пришли забытые слова матери. Она словно наяву услышала ее голос: «Будешь жить в замке в большом-пребольшом поместье». Словно наяву почувствовала невесомую тяжесть фаты на своей голове и цветочный аромат, который источала мама. Выходит, Эдит все-таки стала принцессой.

Листва, радостные восклицания, потрясающий вид на самый большой, самый прекрасный дом во всей Америке схлестнулись в одно мгновение под подковой из цветов с надписью «Добро пожаловать домой».

Добро пожаловать домой, думала Эдит. *Домой*.

– Эди, ну как тебе, нравится? – спросил Джордж без намека на иронию в голосе.

Она в ответ лишь рассмеялась.

После многих лет мытарств – сначала она потеряла родителей, потом – бабушку, ей приходилось экономить, копить, переезжать с места на место, из одного недорогого фешенебельного жилища в другое – она наконец-то обрела свой дом,

и это ей нравилось больше всего.

Эдит повернулась к Джорджу.

– Ты не обидишься, если я скажу, что теперь мне по нраву любое место, где есть ты?

И что самое поразительное, она не кривила душой.



И вот спустя почти шестнадцать лет, живя в совершенно другом особняке, в совершенно другом месте, Эдит по-прежнему чувствовала себя дома только там, где был Джордж. Она не планировала влюбляться в него, но он покорила ее сердце.

– То был волшебный день, Джордж. Один из лучших в моей жизни.

– Знаешь, дорогая, все то время, что я строил Билтмор, мне кажется, я возводил его для тебя. Я думал о тебе и, может, даже о Корнелии. Тогда мы еще не были знакомы, но я хотел, чтобы у тебя было все.

Эдит подавила вздох. В последние годы Билтмор был для них источником постоянных тревог. Несколько раз они едва не потеряли поместье. Эдит, безусловно, была сильной предприимчивой женщиной, но борьба за сохранение Билтмора измотала ее. Однако, когда Эдит закрывала глаза, воображая, как ее дочь резвится на свежем горном воздухе,

представляя невозмутимую красоту стен из известняка, просторные гостиные и – особенно – великолепную библиотеку Джорджа, она понимала, что это место заслуживает того, чтобы за него побороться.

– Думаю, если мы продолжим создавать здесь коммерческие предприятия... – Взглянув на бледное осунувшееся лицо мужа, Эдит решила, что этот разговор можно отложить. – Думая о Билтморе, я думаю о тебе, – сказала она. – Билтмор – это твоя плоть и кровь, душа Корнелии, олицетворение всего, что мне дорого. – В редкие минуты, подобные этим, ей удавалось на время отвлечься от тревог и просто радоваться тому, что у нее есть семья – биологическая и та, что она создала в Эшвилле, объединив людей различного рода деятельности и общественного положения.

Джордж улыбнулся Эдит и взял ее за руку.

– Билтмор – мое величайшее творение, не считая нашей дочери. Что бы ни случилось, я знаю, что оставлю в наследство нечто грандиозное, которым будущие поколения Вандербильтов смогут гордиться.

Эдит подумала о своей роли в сохранении этого наследства, и у нее потеплело в груди. Она знала наверняка, что без нее поместье бы не выжило. Джордж был добрый заботливый человек, но, должно быть, нечасто в жизни ему приходилось за что-то бороться или упорно трудиться. Они сходились во мнении относительно методов удержания поместья «на плаву», в числе которых были такие меры, как органи-

зация молочной фермы, предприятия «Билтморские ремесла», продажа лесного массива, – но Эдит быстро усвоила, что в вопросах ведения бизнеса полагаться на мужа она не могла. Джордж, с его склонностью расплыть свое внимание и страстью к путешествиям, просто не способен был долго заниматься чем-то одним и уж тем более претворять в жизнь какую-то идею. Так он был воспитан, младшенький любимчик семьи, которого мать лелеяла как зеницу ока до самой своей смерти.

Эдит, напротив, уже и Корнелию приобщала к управлению поместьем. Та изучала работу молочной фермы, тонкости функционирования билтморских мастерских – процветающих производств ткачества и деревообработки, что они создали, – запоминала имена и фамилии всех членов семей, которые жили и трудились в огромном поместье, узнавала, какие обязанности они исполняли в самом большом частном владении Америки. Нет, Джордж не был создан для напряженной работы. В отличие от Эдит, да и Корнелии тоже. Эдит позаботится о том, чтобы дочь освоила все необходимые навыки.

– Эди, подай, пожалуйста, газеты, – попросил Джордж. – Они должны быть где-то здесь. И где наша прелестная дочка? Я хотел бы поговорить с ней.

Эдит тепло улыбнулась, отбросив тревожные мысли о поместье.

– Пойду поищу ее. И газеты тоже. Но, пожалуйста, ради

меня, закрой глаза и постарайся немного поспать.

– Я так устал спать, – вздохнул Джордж. – Заснуть, да будет тебе известно, не так-то легко.

Эдит наклонилась и нежно поцеловала мужа в губы.

– Знаю, Джордж, знаю.

Она выпрямилась, и он схватил ее за руку.

– Я люблю тебя, Эдит. Всем сердцем. Ты и Корнелия – лучшее, что случилось в моей жизни.

– И Билтмор, – пошутила она. – Так, не заговаривай мне зубы. Закрывай глаза.

Он улыбнулся.

Спускаясь по лестнице, Эдит тронула свои губы. В молодости она переживала, что с годами супруги отдаляются друг от друга, что со временем в ней мало что останется от той девушки, какой она была, когда выходила замуж за Джорджа. И Эдит действительно изменилась. Но она стала женщиной, которой могла гордиться.

Эдит взяла на кухне газеты Джорджа и налила ему бокал воды. Она могла бы поручить это кому-нибудь из прислуги, но ей нравилось самой ухаживать за мужем. В комнату вошла Корнелия. Эдит подняла на нее глаза.

– Хорошо, что ты еще здесь. Не забудь попрощаться с папой перед тем, как пойдешь гулять с Банчи. – Банчи называли Рейчел Стронг, с которой Корнелия подружилась в школе мисс Мадейры. Этих двух богатых американских наследниц – Рейчел происходила из семьи владельцев сети универмагов

в Кливленде, Корнелия – из семьи железнодорожных магнатов – связывало много общего.

– Кажется, он снова стал самим собой, да? – улыбнулась Корнелия.

Эдит кивнула. С души словно камень свалился. Он выкарабкается. Ее Джордж непременно поправится.

Эдит любовалась дочерью, омываемой утренним светом. Когда Корнелия была раскованна и непринужденна, как сейчас, она особенно очаровывала своей юной прелестью. Эдит понимала, что время быстротечно и недолго осталось ждать того дня, когда Корнелия перестанет принадлежать ей. Она оглянуться не успеет, как ее дочь найдет себе достойного мужчину и выйдет за него замуж. Многие ее друзья уже с неугомонным энтузиазмом подыскивали подходящие партии для своих дочерей, но Эдит была больше заинтересована в том, чтобы Корнелия как можно дольше наслаждалась свободой юности.

– Когда папа поправится, своди его искупаться в фонтан. Ему это всегда доставляет удовольствие.

– Или в бассейн, – лучезарно улыбнулась Корнелия. После стольких лет она по-прежнему не расставалась с идеей научить отца плавать. Правда, Корнелия не ведала, что в детстве Джордж едва не утонул в Род-Айленде. Если бы на помощь ему не пришла какая-то девочка-подросток, обе они теперь не стояли бы в этой кухне. Эдит подыскала фонтан, где муж мог бы встать в воде во весь рост; на такое купание

он скорее согласится.

Она взяла дочь под руку, и вдвоем они пошли наверх. Корнелия была величайшим творением Джорджа. *Корнелия и Билтмор*, усмехнулась про себя Эдит. Джордж любил Билтмор, а она любила его. И именно потому старалась спасти его мечту, и уже немало для этого сделала.

Джулия. Бегство

После того как мне сделали прическу и помогли надеть облегающее кружевное свадебное платье, даже я была вынуждена признать, что выгляжу изумительно. По сути, это была не я *как таковая*. Женщина, стоявшая перед зеркалом, была невестой Хейза.

Я была той женщиной накануне вечером во время репетиционного ужина. Смеялась над тостами моих подруг, пустила слезу, когда слово взял отец, плакала, слушая речь Хейза в мою честь. Он так красиво говорил, что, казалось, в брачных обетах уже нет необходимости. Я знала, что он меня любит. Была в том уверена. А разве не это главное?

Мое внимание в зеркале привлекла Сара в наряде подружки невесты.

– Тебя это платье так красит. Меня затмишь, – сказала я. Она закатила глаза.

– Господи, да ты уже практически на обложке «Мэри Клер».

Я прикусила губу.

– В чем дело? – шепотом спросила Сара.

– Думаешь, он говорит правду?

Сара снова взяла телефон и уже, наверно, в пятидесятый раз, включила то зернистое видео. Я так часто его пересматривала, что точно знала, в какой момент Хейз наклонится к

своей партнерше по танцу – и ею была не я – и начнет жадно ее целовать, с ненасытностью голодного. *О боже*, подумала я. *С ненасытностью голодного.*

Вообразив весь ужас предстоящего дня, я почувствовала, как на меня накатывает тошнота. Мы находились в сиреневато-зеленой комнате в глубине церкви.

– Я идиотка? – тихо спросила я Сару. – Думаешь, он мне лжет?

– Джули, – вздохнула она, – мне трудно судить, потому как Хейза я знаю почти столько же, сколько тебя. Вы неотделимы друг от друга. – Она помолчала. – Когда вы, держась за руки, появлялись на какой-нибудь вечеринке, время словно останавливалось. Он сбегал с уроков, чтобы купить тебе арахисовое масло...

Я улыбнулась, кусая губы.

– А помнишь, как он заказал доставку цветов на биологию?

– Конечно, – улыбнулась Сара. – Кто ж не помнит? Он боготворил тебя, Джули, уже тогда.

Сказать что-то еще я не успела, так как дверь распахнулась, и в комнату влетела в потрясающем синем платье тетя Элис. Следом за ней вошли мама и бабушка.

– Замечательно! – пропела тетя Элис. Я поняла, что все манипуляции с волосами и макияжем на сегодняшний день были завершены. Подружек невесты я попросила прийти в церковь не раньше, чем за час до церемонии, сославшись

на то, что не хочу злоупотреблять их добрым расположением, поскольку вполне способна обойтись без их помощи. На самом деле после вчерашнего инцидента мне было стыдно смотреть подругам в глаза. Я знала, что они все обсуждают то злосчастное видео, думая, что, возможно, я совершаю ошибку. Я не сомневалась, что они руководствуются благими намерениями. В основном. Но не представляла, как вести себя с ними.

– Твой первый выход! – возбужденно произнесла Элис.

Все утро Элис и бабушка проявляли чудеса героизма: притворяясь, будто их ничуть не ужасает мой судьбоносный шаг, они прятали свой страх за делаными улыбками и неестественно веселыми голосами.

– Моя дочь выходит замуж! – воскликнула мама, прижимая руки к груди.

Она не притворялась. Для мамы это был самый счастливый день в ее жизни. Она любила Хейза. *Любила* его.

– Ты ему веришь? – спросила я маму накануне. Несмотря на прохладный горный воздух, она едва не обливалась потом, хотя была в одном только шелковом платье без рукавов.

Тогда-то я и осознала, что это я сама отчаянно хочу верить ему.

– На все сто, – ответила мама со столь твердой категоричностью в голосе, что я почти избавилась от сомнений. – На свете не найдется женщины, которая не пошла бы на убийство ради такого мужчины, как Хейз, потому что каждая

мечтает, чтобы ее любили так, как он любит тебя.

И я, собираясь сейчас принять самое верное или самое ошибочное решение в своей жизни, вспоминала те ее слова.

Мама всегда принимала сторону Хейза. Она любила его. Да и как его не любить? Он великолепен, элегантен, умен. От него всегда приятно пахнет. У него безупречно ровные белые зубы, завидная работа, безукоризненные манеры. Правда, выбор друзей оставляет желать лучшего. Но нас тянет друг к другу. Между нами существует некая неразрывная эмоциональная связь, которая долгие годы заставляет нас быть вместе. Хотя мы не раз пытались расстаться.

Я повернулась к Элис. Та неловко переминалась с ноги на ногу. Рядом с ней стоял фотограф.

– До фотосессии я должна увидеться с Хейзом наедине. Дайте нам минутку, ладно? – попросила я.

В лицах Элис и фотографа отразилось смятение.

– Так ведь я как раз должен запечатлеть первое мгновение вашей встречи.

– Мы это мгновение потом воспроизведем еще раз, – мило улыбнулась я.

– Но тогда... – начала Элис.

– Ничего страшного, – перебила ее бабушка, вставая рядом с фотографом. – Если Джулия хочет увидеться с женихом наедине, не надо ей препятствовать. Это *ее* свадьба, – подчеркнула она.

Фотограф растерялся, Элис протяжно вздохнула. Я знала,

что она про себя считает от десяти в обратном порядке.

Я не была уверена, что должна показываться на глаза жехнику до церемонии, но Хейз настоял. Испугался, что слишком разволнуется, когда увидит, как я иду к алтарю. Я согласилась при одном условии: я буду в свадебном платье, но без фаты. Ведь именно фата была залогом счастливого брака.

Я вышла в длинный внешний коридор – мощный камнем крытый переход, соединявший церковь с общественным залом и классами воскресной школы. Цокот моих каблучков гулким эхом разносился по галерее. Когда я увидела Хейза, у меня замерло сердце. Какой там финансист! Ему бы в кино сниматься!

Со слезами на глазах он подскочил ко мне, привлек меня к себе, поцеловал.

– Ты неотразима. – Он снова меня поцеловал. – И я люблю тебя. – Хейз отступил на шаг, восхищаясь мной. – Ты даже еще прекраснее, чем была в девятнадцать лет – в том своем платье для бала дебютанток.

– Тот бал дебютанток, – рассмеялась я, – мне запомнился, главным образом тем, что *кое-кто* на него опоздал, потому что напился на вечеринке по случаю посвящения в студенческое братство и потерял счет времени.

Хейз тоже рассмеялся.

– Точно. И ты в лифте пыталась завязать мне галстук бабочку, пока я переодевался в смокинг... – В лице его появилось мечтательно-тоскливое выражение, словно это была ис-

тория на века.

Я приподняла брови.

– Пока бабушка, дедушка и мои родители ждали, когда мы соблаговолим явиться на фотосессию, на которую опаздывали?

Хейз опять меня поцеловал. В одном ему надо было отдать должное: он умел любое событие сделать запоминающимся.

– Ты еще не видел меня в фате, – игриво произнесла я, чуть отстраняясь от него. Тогда-то я и почувствовала, как у меня что-то сжалось в животе. Фата... Скоро я надену этот вечный символ любви и счастья, талисман, фактически гарантировавший идеальную жизнь, идеальный брак. Оправдаю ли я ее репутацию?

– Повтори, – прошептала я. – Скажи еще раз, что я – твоя единственная.

Хейз с грустью посмотрел на меня.

– Джулия, не надо, не порти этот прекрасный день. Мне нужна только ты. Я мечтаю только о тебе, вижу тебя одну. Клянусь, я буду самым лучшим мужем на свете.

– Отлично, голубки! – Из одной каменной арки появился фотограф, рядом с ним шла тетя Элис.

– У нас на фотосессию осталось всего шесть минут, – добавила она все тем же неестественно звонким голосом.

Хейз наклонился, целуя меня, убеждая, что все идет так, как должно быть, и фотограф защелкал фотоаппаратом.

– Не бросай меня, – прошептал мне на ухо Хейз. – Пожалуйста, никогда не бросай меня.

Во мне всколыхнулась жалость. Я обязана опекать его. Поддерживать, когда ему плохо. Я всегда вытаскивала его из депрессии. Без моей поддержки он давно бы сломался.

Через несколько минут фотосессия была окончена, и я вернулась в комнату невесты, где меня встретила чем-то расстроенная Сара.

– Что случилось? – прошептала я, испугавшись, что произошло еще что-то неприятное.

– У меня появилась новая информация. Но тебе лучше не знать...

– Выкладывай! – перебила я ее.

– Это ужасно... Кажется, видео получило огласку: вчера вечером кто-то переправил его Кэтрин.

Действительно, плохо дело, раз ролик рассылают моим подругам в «Инстаграм». У меня участился пульс, так что сердце едва не выскакивало из груди.

– В общем, когда Хейз был в Шарлотте, а ты в Роли... – она виновато прикусила губу, – не забывай, эта информация поступила от совершенно незнакомого человека...

– У которого нет причины лгать, – закончила я за нее. Сердце теперь колотилось так громко, что его стук отдавался в ушах.

– Ну, не знаю... – пожала плечами Сара. – Так вот она утверждает, что эта девица – некая Крисси Мэтьюз. Видимо,

они с Хейзом периодически встречались... во всяком случае, несколько месяцев, пока ты училась в Роли. Узнав про тебя, Крисси в тот же день поклялась, что сообщит тебе про них.

У меня было такое чувство, что я не в состоянии продолжить, потому что теперь все становилось на свои места.

– Должно быть, поэтому Хейз и сделал мне предложение, – промолвила я, скорее, обращаясь к самой себе, а не к Саре.

Хейз окончил университет на год раньше, чем я, и переехал в Нью-Йорк, а я осталась в Роли, изучала архитектуру на последнем курсе Университета штата Северная Каролина. Потом, не прошло и полутора месяцев после того, как я закончила учебу и мы воссоединились в «городе, который никогда не спит», где мне предстояло пройти практику и затем вернуться в университет для защиты диплома, Хейзу предложили хорошую должность, от которой он не мог отказаться. Крупному банку в Шарлотте требовался новый начальник инвестиционного отдела. Говоря по чести, для такой работы ему не хватало квалификации, но Хейз есть Хейз, и это его не отпугнуло. Мы планировали жить в Северной Каролине, а столь перспективное место дважды не предлагают. Ему ничего не оставалось, как согласиться.

Но сама я только начала проходить практику в Архитектурном бюро Абрамса – одной из самых престижных компаний Нью-Йорка – и бросать стажировку не желала. Что-

бы осуществить свою мечту – стать архитектором с мировым именем, я должна была освоить тонкости профессии под руководством авторитетных специалистов. Потом, получив достаточно практического опыта, я бы вернулась в Северную Каролину, прошла бы годовой последипломный курс и подготовилась к экзамену на получение лицензии. А Хейз пока бы жил и работал в Шарлотте. Таков был план.

Но сразу после того, как я закончила стажировку и вернулась в Роли, собираясь приступить к учебе на последипломном курсе, Хейз – взъерошенный, что ему было несвойственно, – неожиданно постучал в дверь моего дома.

– Джули, я больше не могу без тебя, – заявил он с порога. – Ты нужна мне. Я не могу жить в разлуке с тобой. Прошу тебя, стань моей женой. Я хочу, чтобы мы начали строить совместную жизнь прямо сейчас.

Если честно, я ожидала чего-то более пышного и торжественного, и потому простота его предложения меня подкупила. Оно исходило из самых глубин его израненного, истерзанного сердца. Хейз отчаянно скучал по мне, дышать без меня не мог. Я была очарована.

Он опустился на одно колено, глядя на меня с надеждой во взоре.

– Хейз, конечно, я выйду за тебя, – сказала я и, когда он преподнес мне кольцо и вошел в дом, добавила: – Но знаешь, я должна окончить университет. Мне учиться осталось всего девять месяцев.

Казалось, он был удручен.

– А тебе обязательно нужен диплом? Детка, моя карьера быстро идет в гору. Тебе незачем работать.

Думаю, меня бы это должно было насторожить, но мы так долго не были вместе – я тоже устала от разлуки. Я сказала Хейзу, что намерена доучиться до конца, но потом невольно задавалась вопросом, не тот ли наш разговор привел к тому, что случилось полгода спустя: почти перед самой защитой диплома я бросила учебу. Если б я не знала, что могу искать утешения у Хейза, допустила ли бы я, чтобы один унижительный инцидент изменил мое будущее? Возможно, я позволила себе не прислушаться к голосу рассудка, потому что знала: я могу выйти из трудной ситуации, сочетавшись браком с Хейзом?

Теперь, вспоминая, как счастлива я была, готовясь к защите диплома, как уверена была в том, что у меня все складывается удачно, своим чередом, я осознала, что потом пустила свою жизнь под откос. Собственноручно разрушила свою мечту стать архитектором.

Теперь поздно лить слезы, решительно сказала я себе. Да, мечту свою я загубила. Но уж Хейза не упущу. Но оставил ли он мне возможность выбора?

– Возможно, Хейз действительно сделал тебе предложение в тот самый вечер, когда Крисси узнала о твоём существовании. Не могу сказать. – Казалось, Сару что-то гложет. – Даже не знаю, правда ли это. – Она пытливо всматри-

валась в мое лицо. – Но теперь тебе известно все, что я выяснила.

Крисси Мэтьюз.

– Значит, на том видео была она, – промолвила я. – И снято оно не так уж давно.

Сара даже не пыталась возражать. А что тут спорить, если это факт?

В комнату невесты вошли мои родители. Я попыталась стереть с лица ошеломленное выражение. К счастью, во всеобщей суматохе ко мне никто особо не присматривался.

– Так, родители невесты, ваш выход! – объявила Элис, входя вслед за ними. – Фотосессия!

Папа улыбнулся мне, прижимая руку к груди.

– Моя малышка выросла и выходит замуж.

– На это у вас еще будет время! – Элис практически вытолкала его за дверь.

– Пойду встречать автобус с подружками невесты, – сказала Сара, подбадривая меня улыбкой, и затем шепнула: – Все нормально. Ты молодец.

И в комнате нас осталось двое. Бабушка ждала с улыбкой, держа в руках фату. Свадебную вуаль. Эта семейная реликвия обеспечила счастливые браки трем поколениям женщин из нашего рода. Я представляла четвертое поколение.

– Пора, девочка, – ласково молвила она. Я не смела взглянуть на нее. Минувшей ночью, лежа в постели, я только и думала о том, что бабушка тоже смотрела ролик, в котором

Хейз целовался с другой женщиной. Лучше бы она это не видела.

С все еще гулко бьющимся сердцем я наклонилась, подставляя ей голову. Но она почему-то медлила.

– Джули, позволь кое-что тебе сказать?

Я натянуто улыбнулась.

– Если я отвечу «нет», ты ведь все равно скажешь.

– Скажу. Просто ты должна это знать.

Я внимательно смотрела ей в лицо, думая, что сейчас она поделится со мной мудростью, откроет свой секрет счастливого брака с моим дедушкой, с которым она прожила в согласии много лет. Но услышала другое:

– Джули, ты не обязана исправлять ошибки другой женщины. Не в этом твое предназначение.

Мои брови взметнулись вверх. Я без дальнейших объяснений поняла, что бабушка имела в виду. Но как она догадалась, что я считаю своим долгом заботиться о Хейзе? Накануне меня так унизили, что теперь мне ничего не оставалось как держаться стойко и горделиво, демонстрируя невозмутимость, дабы не уронить своего достоинства.

– Знаю, бабушка. – Но ее слова посеяли в моей душе сомнения. *А что если это сама Тереза должна исправлять свои ошибки?*

– Ты должна это понимать, – кивнула бабушка, не заметив моего смятения.

Она поднесла к моей голове фату – ярды кружева и тюля, –

но затем снова прижала ее к груди.

– Не счесть сколько раз я стояла в комнате твоей матери и наблюдала, как ты, забравшись в гардероб, доставала счастливую фату твоей прабабушки и примеряла ее. Не счесть сколько раз мы говорили о том дне, когда ты наденешь эту фату – символ удачного брака. – В глазах бабушки заблестели слезы, а я после ее слов внезапно ощутила весь груз ответственности своего шага. Я любила Хейза, но разве внутренний голос, чутье, не подсказывали мне всегда, что ему нельзя доверять?

И когда фата – со всей ее семейной историей и символизмом – почти коснулась моей головы, на меня снизошло озарение. Ничего у нас Хейзом не получится. И, выйдя за него, я запятнаю семейную реликвию, положу конец череде долгих счастливых браков в нашем роду.

– Подожди, – прошептала я и повторила громче: – Подожди!

Бабушка встревожилась.

– Бабушка, я не уверена, – объяснила я.

Она кивнула с серьезным видом и шепотом сказала:

– Тогда дуй отсюда ко всем чертям.

Я ладонью прикрыла рот. Сроду не слышала, чтобы бабушка чертыхалась.

– Мама меня убьет.

– Лучше пережить один несчастный день, чем потом всю жизнь маяться.

Я словно приросла к полу. Казалось, шлейф платья внезапно отяжелел, того и гляди свалит меня с ног.

– Пошевеливайся, – шикнула бабушка. – Мама твоя переживает. А вот ты, может, и нет. – Она покачала головой. – У меня есть идея.

В комнату вернулись мама с Сарой.

– Сара! – воскликнула бабушка.

– Автобус немного опаздывает, – сообщила Сара и тихо добавила: – Потому что Лейни напилась и потеряла туфли.

Бабушка натянуто улыбнулась.

– Давайте-ка вы с Джулией сфотографируетесь во дворе перед церковью.

Все, включая маму, последовали за бабушкой из комнаты.

– Мередит, дорогая, у тебя сзади волосы немного растрепались. Прическу бы нужно поправить, – сказала бабушка.

– Господи помилуй, – вздохнула мама, поведя глазами. – Так и знала!

Мы с Сарой посмотрели друг на друга, и я догадалась, что она без лишних слов поняла, что сейчас должно произойти. Мама направилась в церковь, а бабушка повернулась ко мне.

– Бежим!

Не дожидаясь дальнейших указаний, втроем мы кинулись к стоянке, где стоял бабушкин кадиллак. Сара помогла мне запихнуться в своем громоздком платье на заднее сиденье. Бабушка села вперед. И, хотя меня раздирали противоречивые чувства, едва мы тронулись с места, меня захлестнула

волна облегчения, будто я уклонилась от пули.

И только потом у меня возник резонный вопрос.

– Кто, черт возьми, мог прислать то видео?

Может быть, это было сделано со злым умыслом. Может быть, по доброте душевной. Как бы то ни было, человек, приславший видео, только что уберег меня от самой ужасной ошибки в своей жизни.

Барбара. Кнут. *В наши дни*

Не могу объяснить, когда и как это началось – знаю только, что ситуация теперь такая. С течением лет в какой-то момент наши дети решили, что они вправе вести себя с нами как родители. Происходило это постепенно. От случая к случаю они отпускали замечания или давали советы. А потом и вовсе установили свой диктат, как будто это и не мы их воспитывали.

И вот теперь я сидела в собственной гостиной с потрясающим видом на океан. Меня окружала мебель, доставшаяся мне в наследство, антикварные вещицы и всякая всячина. А я пила чай, который моя дочь заварила для меня не в качестве жеста доброй воли, а чтобы заманить меня в ловушку. От чашки хорошего чая я никогда не отказывалась, о чем она прекрасно знала.

– О чем ты только *думала?* – сердито спросила Мередит, перестав расхаживать перед камином.

Миновало всего-то два дня с несостоявшейся свадьбы моей внучки, так что, наверно, мне не стоило строго судить дочь. Я, конечно, не собиралась подыгрывать ей, позволяя, чтобы меня отчитывали как ребенка, но все же не удержалась и ответила с вызовом, будто подросток:

– Не знаю, Мередит. Наверно, не хотела, чтобы моя внучка была несчастной до конца своих дней.

И я сразу невольно вспомнила своего покойного мужа – Рейда. При мысли о нем – а я думала о Рейде тысячи раз на день – я почувствовала, как сердце пронзила боль. Он скончался год и почти два месяца назад. Да, мне теперь удавалось вставать с постели – не с нашей постели, конечно: в ней, я была уверена, я больше никогда не смогу спать, – а с кровати в гостевой комнате. Я снова посещала клубы, где играла в бридж и принимала участие в обсуждении книг, сидела в гостиной с последним номером «Ридерз дайджест», хотя стоявшее рядом обшарпанное кресло, в котором Рейд обычно читал книгу, пустовало. Но я буду любить его до последнего вдоха. В моей жизни он был единственный мужчина, моя настоящая любовь, потому я готова была подписаться под каждым своим словом, когда сказала:

– Мередит, прости мне мой эгоизм, но я считаю, что моя внучка достойна вечного счастья.

– Мама, – вздохнула она, – я знаю, что у вас с папой была сказочная любовь. Знаю и понимаю. Но не каждому суждено встретить любовь всей своей жизни и шестьдесят лет прожить в полном блаженстве. Не всем это дано.

– И *напрасно*, – ответила я.

Моя дочь, элегантная, грациозная в черных брюках-дудочках, благодаря которым она казалась выше своих пяти футов пяти дюймов⁶, снова закружила по комнате. Ее волосы до плеч были стянуты на затылке лентой. Прелестная ма-

⁶ 5 футов 5 дюймов = примерно 165 см

лышка превратилась в очаровательную женщину. Обе мои девочки, женственные, с длинными лебедиными шеями, были очаровательны. Мередит и Элис, мои зеленоглазые красавицы. Мне и Рейду они доставили много радости.

– Милая, не пойми меня неправильно, – произнесла я, зная наверняка, что именно так она и воспримет мои слова, – но мне очень горько видеть, как ты несчастна. Меня это убивает.

– Я не несчастна, – отрезала Мередит, резко останавливаясь.

Я примирительно выставила перед собой ладони.

– Разумеется, ты про себя все знаешь лучше меня, но, Мередит, за последние десять лет ты дважды расходилась с мужем. Не думаю, что ты очень уж с ним счастлива.

Вздохнув, она устало посмотрела на меня.

– Но теперь мы вместе. Именно это я и хочу донести до тебя. Да, у нас с Алленом были проблемы. Но мы любим друг друга и уладили свои разногласия.

– За это я тебя уважаю, – кивнула я, – больше, чем могу выразить словами. Но для твоей дочери судьбы такой не хочу.

А она разве хочет?

Мередит наконец села рядом со мной на длинный диван, обитый тканью с узором из морских раковин, который она ненавидела. Недолго ей осталось его ненавидеть.

– Мама, ты увезла ее на своей машине! О чем это говорит?

Я поставила чашку на столик возле дивана и сложила руки на груди. Приняла негодующий вид, хотя знала, что в срыве свадьбы есть и моя вина. Только у Мередит на этот счет было не совсем верное представление.

– Это говорит о том, что внучкой я дорожу больше, нежели своей репутацией. Что ее счастье я ставлю превыше всего. Зато ты постоянно ей твердишь, что лучше Хейза она никого не найдет. А *это* о чем говорит?

Мередит закатила глаза.

– Мама, ты же знаешь, какая она. Капризная, как бисквитное тесто. Хейз – сильный, надежный. Сама о себе она не сможет позаботиться. Он нужен ей.

В ее словах была доля правды: моя внучка, действительно, больше, чем следовало бы, полагалась на своего жениха. Особенно после того, как безо всяких объяснений бросила университет, не закончив курс по архитектуре. А ведь она с шести лет всюду носила с собой альбом и делала наброски. А тут вот на тебе. За несколько месяцев до окончания учебы, сдачи экзамена на получение лицензии и достижения своей мечты взяла и бросила университет.

– Мередит, ты должна выяснить, что случилось. *Должна.* – Я снова взяла фарфоровую чашку, которая после долгих лет использования по-прежнему оставалась гладкой и изящной, и глотнула из нее чаю, вдыхая пряный аромат корицы.

Она опять повела глазами. И мы вернулись к своим изна-

чальным ролям: я снова была мать, она – дочь.

– По-твоему, если б я знала, не попыталась бы это предотвратить? Ты хоть представляешь, чего нам с Алленом стоило выучить ее? Мы во всем себе отказывали, экономили на чем только можно. Я с ужасом думаю, что она выплачивает студенческую ссуду за два семестра последипломного курса, который так и не окончила. И теперь, не выйдя замуж за Хейза, лишившись его поддержки, как она будет жить дальше?

А, на мой взгляд, в этом были свои плюсы.

– Что ж, придется ей научиться самой заботиться о себе. Этот урок приходится усваивать каждому, и, поверь мне, чем старше человек, тем тяжелее дается этот урок.

Мне хотелось добавить, что я давно могла бы сама заботиться о себе, задолго до того, как стала восьмидесятилетней старухой, которая боится жить одна в собственном доме. Но я просто обняла ладонями горячую чашку, грея натруженные пальцы.

– Мама, она всегда возвращается к нему. Да, я не скрываю, что желала этого брака. Мне нравится Хейз. Можешь подать на меня в суд. Но сейчас она вырыла себе такую глубокую яму, что дело даже не только в том, что она его любит. Она *нуждается* в нем, в чисто практическом плане.

Я происходила из другого времени. Мой долг был воспитывать детей, во всем остальном я полагалась на мужа. И я не стала бы критиковать выбор Джулии, если б была уверена, что это именно то, чего она хочет. Но я так не считала.

Однако проблема была куда глубже.

– Он изменил ей, Мередит. А ведь они даже еще не были женаты.

– Вот именно, – наставила она на меня палец. – Об этом я и говорю. Они не были женаты. А будь они мужем и женой, он бы ей не изменил.

В этом вопросе мы с Мередит руководствовались разными приоритетами и знали, что каждая из нас останется при своем мнении.

– Более того, – вздохнула Мередит, – она снова примет его. Так было и будет всегда. И он не отстанет от нее. Так было и будет всегда. Это в характере обоих: они расстаются и снова сходятся. Им нравится острота ощущений, драматизм их отношений. Они не могут жить вместе, но и порознь находиться тоже не могут. Через неделю она мне позвонит и сообщит, что они все-таки женятся, и мне придется заново обзванивать гостей и устраивать свадьбу.

В принципе, Мередит не преувеличивала. Много раз внучка звонила мне и плакала или ликовала в телефон из-за Хейза. Наверно, я всегда надеялась, что в один прекрасный день она стряхнет с себя его чары и поймет, что заслуживает лучшего – степенного парня, с которым ей будет спокойно. Но, возможно, покой – это не то, к чему она стремилась. Возможно, покой даже не входил в ее планы. При мысли о том, что эти двое снова будут вместе, я почувствовала, что у меня начинает болеть голова.

– Так или иначе все разрешится, – только и сказала я. А разрешится ли?

Потом у меня мелькнула еще одна мысль, от которой я фыркнула от смеха.

Мередит сердито посмотрела на меня.

– Интересно, что тебя так рассмешило?

Успокоившись, насколько это было в моих силах, я ответила:

– Да вот представила, как бедняжка Элис снова пытается организовать свадьбу.

– А что если Элис решит, что Хейз с Джулией должны выпустить голубей на церемонии, и один из них опять вырвется в церкви? – Теперь и Мередит засмеялась.

– Представляешь, если б бракосочетание состоялось? – Слезы сочились из уголков моих глаз. – *Всё и все* были бы в птичьем помете!

Когда мы вдоволь нахохотались и немного развеселились, я обвела взглядом комнату. При дневном свете гостиная не таила в себе угрозы. Лишь по ночам во мне просыпался страх. Я убеждала себя, что это нелепо. Что в этом доме я десятки лет жила с любимым человеком. Здесь я вырастила детей, организовывала для внуков поиски пасхальных яиц, смеялась, наблюдая, как они съезжают по перилам. Даже устроила чаепитие по случаю помолвки Джулии.

Но теперь это не мой дом. С уходом Рейда мой дом перестал быть моим. По ночам, когда я оставалась одна, меня по-

глощала страх и охватывала паника. При каждом скрипе половицы, стоне ветра, бое часов сердце едва не выскакивало из груди. И я решила: почему бы не сейчас?

– Мередит, мне нужно еще кое-что с тобой обсудить.

Выглядела она утомленной, что, на мой взгляд, было вполне объяснимо, ведь ее дочь только что сбежала со свадьбы, бросив жениха у алтаря.

– Что-то серьезное? На сегодня мой потенциал исчерпан.

– Тогда в другой раз, – кивнула я.

Она со вздохом поднялась с дивана и вновь стала мерить шагами комнату, но через несколько минут остановилась и заявила:

– Нет. Давай сейчас. Я должна знать.

– Тебе ведь известно, что мои друзья Джуди, Энни и Фред переселились в уютные маленькие квартиры?

Те уютные маленькие квартиры находились на территории поселка для престарелых, где можно было купить квартиру или коттедж и переехать туда на постоянное проживание под присмотром медперсонала. Дети многих моих друзей практически насильно отправили родителей в богадельню, чуть ли не кнутом выгоняли. У меня ситуация была другая: я сама хотела переселиться в приют для престарелых. Мередит и ее сестра Элис не часто в чем-то соглашались друг с другом, но в данном вопросе придерживались единого мнения: это наше родовое гнездо, мне еще только восемьдесят, я нахожусь в хорошей физической форме и не должна бро-

сать свой дом.

– Да, мама, – вздохнула Мередит. – Я знаю, что твои друзья довольны своей жизнью в «Летних угодьях». Но у Джуди болезнь Паркинсона, Энни почти девяносто, а Фреда его дети фактически вышвырнули из дома, чтобы самим его за-
нять.

Все это, конечно, так. Но правда и то, что, потеряв своих супругов, мои друзья осознали: дом теперь приносит им не счастье, а душевные муки.

– А вы с Элис разве не хотели бы заполучить мой дом? – с усмешкой спросила я.

Элис мечтала перебраться со своей семьей в мой дом и не скрывала этого. И, думаю, что деньги, которые Мередит выручит от продажи своей доли сестре, несколько облегчит финансовое бремя, что постоянно давит на них с Алленом, – особенно теперь, когда им пришлось серьезно потратиться на несостоявшуюся свадьбу. Она никогда не объясняла мне причины своих расставаний с мужем, но клялась, будто виной тому не измены – ни с одной, ни с другой стороны. Мередит дорожила своим положением в городе, но у Аллена последние десять лет постоянно возникали проблемы с трудоустройством, и они, конечно же, жили каждый на свои доходы. Более стрессовой ситуации трудно представить.

– Мама, почему ты всегда идешь у нее на поводу? Почему? Она постоянно хитрит и интригует, а ты ей потакаешь.

– Не надо обвинять ее в коварстве. Она просто легковоз-

будимый человек. – Мередит переживала за дочь, и потому я на нее не сердилась. Но Элис из кожи вон лезла, чтобы организовать для Мередит и Джулии безупречную свадьбу, и это нельзя было не принимать во внимание. Я также догадывалась: она понимает, чего ждать дальше, и это разрывало ей сердце.

– Милая, сядь рядом со мной, пожалуйста.

Мередит неохотно опустилась на диван.

– Я знаю, что ты скажешь, – произнесла она. – Ты решила переселиться туда. Мне только непонятно: зачем?

А ей и не надо было понимать. Причину знала я одна.

– Элис, вероятно, переедет сюда?

– Наверно.

– Что ж, ладно, – кивнула Мередит. – Так тому и быть.

Позже, проводив дочь, обняв ее на прощание, я вернулась в свою спальню и стала думать, как организовать свой переезд. Я перебирала вещи в ящиках комода, решая, какие из них взять с собой, какие выбросить, какие отдать на благотворительность, а сама воображала, что сказал бы мой муж, будь он сейчас рядом, как отреагировал бы на мое решение оставить дом, в котором мы с ним вместе прожили целую жизнь. Но его рядом не было. И, подобно моей внучке, я была обязана сделать то, что, в моем понимании, являлось самым правильным, – как бы к этому ни относилась Мередит.

Улыбаясь, я достала из верхнего ящика комода потертый студенческий значок, который холодной тяжестью осел в мо-

ей руке. Позолота почти стерлась, из-под нее тускло поблескивал темный металл. В каком-то смысле этот значок напоминал мне саму себя. Я тоже стала другой, изменилась, поблекла. Но этот значок хранил те волшебные чувства, что я испытала, когда получила его, за неделю до свадьбы, – правда, от человека, за которого я не вышла замуж. В нем по-прежнему таилась надежда, которая была скрыта от глаз, но запечатлелась в каждой клеточке моего существа. И этот значок заставил меня задуматься, задаться вопросом о том, а могло ли быть иначе. Впрочем, нет, не могло. Да и что теперь ломать голову? Поздно уже.

Этот студенческий значок был материальным свидетельством тяжелого урока. В жизни каждой женщины наступает такой момент, когда она должна поставить во главу угла свое счастье. Я усвоила этот урок позже, чем следовало бы, и пойду на все ради того, чтобы моя внучка избежала несчастливой судьбы.

Джулия. Не по графику

Бегство с собственной свадьбы – смелый шаг, и мне понравилось, что своим поступком я фактически сделала категорическое заявление (которое никогда не решилась бы произнести вслух: не хватило бы храбрости или самоуверенности): я не вернусь! Но, глядя в окно машины, я вспомнила, каким раздавленным был Хейз в тот вечер, когда я с ним познакомилась, в тот самый вечер, когда его бросила мать. Нельзя же просто сбежать безо всяких объяснений, правда?

– О нет, – простонала я.

– Только не говори, что передумала, – отозвалась бабушка.

– Джули! – укоризненно произнесла Сара.

– Я не передумала, – ответила я. – Я там сумочку забыла.

– Не беда, – сказала Сара. – Барбара, притормозите у церкви. Я незаметно зайду с бокового входа и заберу ее.

Но когда мы остановились, я заметила Хейза. Он стоял на краю газона и искал глазами... Меня, наверное. Я поняла, что должна с ним поговорить.

Лицо Хейза вспыхнуло от радости, когда он увидел, как я выбираюсь из машины.

– Слава богу! – воскликнул он. – А я уж испугался, что невеста сбежала.

Хейз пытался продемонстрировать присущий ему оптимизм,

но по его лицу было ясно: он понимает, что происходит.

Со слезами на глазах я покачала головой.

– Джули, – тихо начал он. – Все нормально. До начала церемонии еще пять минут. Будем считать, что ничего этого не было.

Меня захлестнуло чувство вины. Я же поклялась, что никогда его не покину.

– Хейз, я не могу выйти за тебя. Прости.

– Ну что ты, Джули. Мы ведь уже все обсудили.

– Я люблю тебя, – прошептала я. – Но не могу так жить.

– Но...

Я прервала его, подняв руку.

– Я не могу выйти замуж за человека, которому не доверяю.

– Мы с тобой много лет вместе, *любим* друг друга, а ты веришь старой видеозаписи больше, чем мне?

В том-то и дело: неизвестно чьей видеозаписи я верила больше, чем человеку, за которого собиралась замуж. И все же я позволила ему обнять и поцеловать себя – в последний раз. Действительно, мы были вместе уже много лет, а я по-прежнему млела в его объятиях; именно потому, что мы были вместе много лет, мы идеально подходили друг другу. В объятиях Хейза я забывала дышать. Я уже хотела отказаться от своего намерения и остаться с ним, но вдруг вспомнила о Крисси Мэтьюз. Она тоже млела в его объятиях? С другими женщинами он был так же нежен, как со мной? Казалось,

сердце мое снова разбилось вдребезги.

– Нет, Хейз, не могу. Прости.

Он молча покачал головой, глядя себе под ноги. Потом снова посмотрел мне в глаза.

– Езжай в свадебное путешествие.

– Что?

– Прямо сейчас. Поменяй билет на сайте «Дельты». Забери свои чемоданы из моей машины. Отдохни, проветришься. – Он потер мои плечи. – Ты все обдумашь и вернешься ко мне. Я уверен.

И в этот момент я прониклась твердой убежденностью, что он мне изменял. Отвергнутый мужчина не станет дарить женщине бесплатное свадебное путешествие, если он не чувствует за собой никакой вины. Не станет и все.

Только я села в бабушкину машину, намереваясь, второй раз за день, уехать из церкви, и тут увидела, что к нам бежит Элис, с планшетом в руках.

– Где тебя носит? Мы выбились из графика!

– Элис, – Хейз приобнял ее за плечи, – думаю, график теперь можно выбросить. – Он казалось, забавлялся.

Три часа спустя я летела в маленьком самолете, выполняющем местный авиарейс.

– А вам что, милая? – вывел меня из раздумий звонкий голос. Я вздрогнула от неожиданности. Ко мне обращалась бортпроводница в синей униформе авиакомпания «Дельта». На лице – толстый слой макияжа, вид усталый. Наверное, то

же самое она могла бы сказать обо мне.

– Алкоголь, – ответила я.

У нее поднялась бровь.

– Хм, мм. – Она ложечкой бросила кубики льда в пластмассовый стаканчик, налила мне водки. – Все так плохо, да?

Я кивнула в ответ. Она добавила в стаканчик лаймовой воды «Дасани».

– Лечу в свадебное путешествие.

Стюардесса огляделась вокруг и, вероятно, не увидев никого, кто мог бы сойти за моего новоиспеченного мужа, просто сказала:

– Это – за счет заведения.

Я глотнула водки. Горло будто огнем опалило. Стюардесса дала мне упаковку печенья и покатила тележку дальше.

Должно быть, несколько глотков водки сделали свое дело, потому как следующее, что я услышала, это объявление командира экипажа: «Бортпроводникам приготовиться к посадке».

Я заморгала, просыпаясь, и сразу все вспомнила. Сегодня должен был быть самый счастливый день моей жизни. Я должна была выйти замуж. Но всего несколько часов назад в туалете аэропорта я переоделась и отдала свое свадебное платье Саре; сама она оставалась в платье подружки невесты. Покидая главный зал аэропорта, Сара обернулась и сказала мне:

– Джулия, ты заслуживаешь настоящей любви. И еще

встретишь мужчину, который будет присылать тебе цветы и любовные письма. – Я обняла подругу, слезами заливая ее плечо. Сара ушла, и я остро почувствовала, что осталась совсем одна. Даже в самолет не хотела садиться. Но в глубине души понимала, что должна улететь. В глазах щипало от слез.

Я, наверное, проспала бы до самого Сент-Томаса, если бы в Шарлотте не нужно было делать пересадку. Шарлотт.

Крисси Мэтьюз. Мной опять овладела ярость. Как он мог?! Слезы мгновенно высохли, жалость к себе сменилась праведным негодованием.

Я вышла из самолета и встала у «рукава» в ожидании своего чемодана. Через окошко в двери я заметила, как мой багаж – обычный черный чемодан – выгружает работник аэропорта в оранжевой куртке. Едва мой чемодан коснулся пола, я схватила его и быстро зашагала прочь, на свежий воздух. К тому же оказалось, что я ужасно проголодалась.

Идя через терминал, я невольно восхищалась прекрасным освещением. Изящная стеклянная стена изгибами поднималась к потолку, неожиданно создавая атмосферу современного великолепия. Сколько же пассажиров каждый день в спешке проходят через этот атриум, не обращая внимания на окружающую их красоту! И не думая о том, сколько времени потрачено на коллективные обсуждения, планирование и строительные работы, чтобы возвести такое чудо. Людям свойственно не замечать то, что прямо у них перед глазами!

Перед прилавком «Чик-фил-е» выстроилась длинная очередь, больше напоминавшая толпу, но я умирала с голоду. Булочка с маслом, два соленых огурца, кусочек курицы с хрустящей подрумяненной шкуркой – только это меня спасет. Я встала в эту неупорядоченную очередь, решив, что закажу комплекс № 1 и несладкий чай с лимонадом. Несостоявшаяся свадьба – и гневные вопли мамы, вырвавшиеся из телефона бабушки, когда она известила дочь о том, что мы сбежали со свадьбы – все это было где-то далеко. Даже не далеко – а невозможно.

Когда передо мной оставалось три человека, я расстегнула верхний карман своего чемодана, сунула в него руку. Не найдя кошелька, стала шарить в нем, нащупала что-то похожее на сложенную футболку, а вытащила – на глазах у всей очереди – мужские трусы. Причем не той фирмы, что носит Хейз. А ведь я *точно знала*, что убрала кошелек в этот карман.

С гулко бьющимся сердцем, я приоткрыла основное отделение чемодана, заглянула вовнутрь. И ахнула. Свернутый мужской ремень, мокасины, косметический набор – явно не мои вещи. Фу! Я рылась в чужом нижнем белье!

Охваченная паникой, я поначалу хотела все же достоять очередь и купить еды, но потом вспомнила, что у меня нет денег, и бросилась к месту выдачи багажа. Чувствуя, как грохочет в груди сердце, я пыталась придумать план. Хорошо еще, что во внутреннем кармане куртки у меня лежали води-

тельские права, так что в случае чего можно попросить моих рассерженных родителей прислать мне денежный перевод. Но как его получить? В моей обычной жизни денежные переводы никогда не фигурировали. Куда их присылают? В специальные конторы? Есть ли такая контора в аэропорту? Да и вообще, захотят ли родители прислать мне денег после того, как я сбежала с собственной свадьбы?

Я уже начала представлять масштабы разразившейся катастрофы, но тут меня осенило, что я пока долетела только до Шарлотта. И если мой чемодан действительно потерялся, Сара может приехать за мной часа через два.

Мчась по коридору, пробиваясь сквозь толпы пассажиров, я вспоминала, что лежит у меня в чемодане. Очки. Дорогущий новый купальник. Компьютер с чертежами моего выпускного проекта. Ладно, чертежи мне теперь абсолютно ни к чему. Потеряются, и бог с ними. Но все остальное желательно бы найти. Возможно – чем черт не шутит? – тот, кто взял мой чемодан, понял, что произошла ошибка.

Вид у меня был как у отчаявшейся влюбленной девушки из мелодрамы кинокомпании «Холлмарк»: вся запыхавшаяся, растрепанная, в груди – жжение. Подбегая к месту выдачи багажа, я осознала две важные вещи. Во-первых: если я так тяжело отдуваюсь, пробежав меньше полумили, значит, надо серьезно заняться приведением себя в хорошую физическую форму. Во-вторых... вон мой чемодан! Какой-то мужчина стоял у столика работника аэропорта, небрежно

опершись на выдвинутую ручку чемодана. Или, во всяком случае, делал вид, что опирается на нее. Если б он действительно налегал на ручку, чемодан на колесиках, крутившихся как по маслу, непременно выскользнул бы из-под него. Мужчина улыбнулся мне. И в этот момент я про себя отметила то, чего давно уже не замечала в мужчинах (не считая Хейза): а парень-то симпатичный. Даже, пожалуй, очень симпатичный. Настоящий красавчик. Коротко остриженные темные волосы, рубашка навывпуск, джинсы по фигуре, но не в обтяжку.

– Мой чемодан! – воскликнула я. От облегчения я чуть не растаяла, чуть не растеклась лужей на полу. Я подскочила к своему чемодану, расстегнула верхнее отделение, вытащила кошелек и прижала его к груди.

– Я подумал, что вы вернетесь за своей бомбой, – с усмешкой произнес мужчина.

Охнув, я прошептала:

– В аэропорту нельзя произносить слово «бомба».

– Вы правы, – тоже шепотом ответил он. – Хорошо, что вы вернулись, а то ведь в моем чемодане килограмм кокаина.

Я закатила глаза.

– А разве килограмм кокаина вместится в ручную кладь?

– Не знаю, – пожал он плечами. – Не умею переводить фунты в килограммы с точностью до мелочей.

– Я тоже, – кивнула я.

Тут я сообразила, что мы встретились не для того, чтобы

выпить и поболтать. У него мой чемодан, а мне надо успеть на самолет, чтобы лететь – о ужас! – в свадебное путешествие.

Мой товарищ по чемодану протяжно вздохнул.

– А я уже надеялся, что мой чемодан потерялся.

Хотя мне пора было бежать, я была заинтригована.

– А почему вы хотели, чтобы ваш чемодан потерялся?

– В нем чертежи моего никуда не годного проекта.

У меня в груди что-то ёкнуло.

– Вы что – архитектор? – нерешительно поинтересовалась я.

– Как вам сказать? Формально, да. В том смысле, что я окончил университет и все такое. Но заслуживаю ли я этого звания? Не знаю.

Это мне было понятно. Я тоже делала проект, а его забраковали.

– Что ж, еще раз благодарю. Мне пора в терминал «С».

Я подкатила к нему его чемодан, но он почему-то мне мой не отдал. Просто взял за ручки оба чемодана и повез за собой.

– Мне тоже в терминал «С», – бросил мой новый знакомый, в порядке объяснения.

– Вы опять перепутаете чемоданы, – с тревогой сказала я.

Он остановился и с насмешкой посмотрел на меня.

– Я перепутаю? То есть, по-вашему, это я виноват?

Я улыбнулась, вспомнив, как схватила чемодан еще до то-

го, как его поставили на пол. Ну хорошо. Может, это и *не целиком* его вина.

Он возобновил шаг.

– А знаете что? Вы правы. Тогда я взял ваш чемодан случайно, но теперь вполне могу сделать это намеренно.

Я искоса посмотрела на него.

– Чтобы еще раз увидеться с вами, – медленно проговорил он, интонационно подчеркивая каждый слог.

Боже мой, неужели я совсем утратила форму? Да, утратила, это правда. Уже много лет я даже не думала о том, что могу представлять интерес для кого-то, кроме Хейза, вот и не поняла, что мой новый знакомый со мной заигрывает.

– Ну что ж, – сказал он, когда мы подошли к огромной вывеске «Терминал С», – здесь я вас покину.

– Окей, – улыбнулась я. – А я полечу в Сент-Томас.

– Так вы летите в Сент-Томас? – рассмеялся он. – И я лечу в Сент-Томас. Верней, не в Сент-Томас. А через Сент-Томас на Британские Виргинские Острова.

– Так и я тоже! – Внезапно жизнь стала налаживаться. Но потом я вспомнила про свои несчастья. – Я лечу в свадебное путешествие.

Он огляделся и, сообразив что к чему, присвистнул:

– О, нет...

Я кивнула.

– Нельзя же лететь в свадебное путешествие одной. – Он направился к стойке у нашего выхода, и я, сама не знаю по-

чему, последовала за ним.

– Прошу вас, – обратился он к дежурной по посадке. – Мы с женой летим в свадебное путешествие. А забронировать два места рядом нам не удалось. – Он подмигнул мне. – Не могли бы вы нам помочь?

Дежурная взяла наши паспорта и принялась что-то печатать. Печатала невообразимо долго. Неужели так сложно изменить места?

– Ладно, голубки, – наконец объявила она, – я нашла два места рядом, с переводом в первый класс.

– Вот это да! Огромное вам спасибо. – Я прошла в «загончик» для ожидания и присела в темно-синее кресло, на котором, как мне показалось, было поменьше хлебных крошек.

– Кстати, меня зовут Джулия Бакстер, – представилась я своему «супругу», устроившемуся рядом со мной. – Пожалуй, надо знать фамилию вашей фиктивной жены, вдруг спросят.

– А меня – Коннер Говард. – Он наклонился ко мне. – Я пожал бы вам руку, но дежурной это может показаться странным.

Я замерла, разинув рот. Судорожно соображала, пытаюсь слепить воедино все, что я знала об этом человеке.

– *Вы* Коннер Говард? *Тот самый?*

Человек, обругавший свои чертежи, слыл восходящей звездой архитектуры; специалисты пристально следили за его работой. Все виднейшие архитекторы расценивали его

как угрозу своему авторитету и в то же время восторгались его проектами. В этом году он стал самым молодым архитектором, которого включили в справочник «Дайджест архитектуры». Примерно мой ровесник.

Я уже была на грани того, чтобы выразить ему свое восхищение, но тут по громкой связи объявили, что пассажиры первого класса могут пройти на посадку.

Коннер, с веселым удивлением на лице, поднялся и повел меня к началу очереди.

– Башни Гаррисона – мое любимое здание. Самое-самое любимое, честное слово, – выпалила я, переступая через металлический порожек и входя в самолет.

– Ладно, женушка, давай-ка на тон ниже. – Он уложил свой и мой чемоданы на багажную полку, а я от возбуждения едва обратила внимание на его любезность.

– Там такие линии, такая симметрия... А как интересно вы расположили полуэтажи... – тараторила я, захлебываясь словами.

Мы сели рядом, устроились поудобнее. И он положил ладонь на мою руку.

– Ты что, шутишь? – сказал он, кинув взгляд вокруг. – Тебя кто-то подговорил? Нужно быть чокнутым, чтобы иметь любимое здание, тем более из спроектированных мною. Таких людей просто не бывает.

– Да нет. Никто меня не подговаривал. Я как раз из тех чокнутых, правда-правда.

– Так ты, что, тоже архитектор?

Его вопрос прожег меня насквозь. Я нахмурилась, почувствовав, как между бровей пролегла отвратительная складка, из-за которой, по утверждению мамы, у меня рано появятся морщины. Ну да, формально я – архитектор. Или могла бы им стать. Но я не привыкла рассказывать о своих неудачах симпатичным попутчикам в самолетах. И я ответила:

– Скажем так: я увлекаюсь архитектурой. – Так и есть. С этим не поспоришь.

– Позвольте предложить вам напитки перед взлетом, мистер и миссис... – Голос стюардессы сошел на нет.

Коннер одарил ее обаятельной улыбкой, которую за последние несколько минут я стала воспринимать совсем иначе. Если сначала мой случайный знакомец вызывал у меня праздный интерес, хоть и немного раздражал, то сейчас я была под впечатлением от встречи со знаменитостью.

– Дорогая, ты уже решила, что возьмешь мою фамилию? – спросил он.

Несколько минут назад я ответила бы «нет», но теперь...

– М-м, да. – Я посмотрела на бортпроводницу. – Джулия Говард звучит неплохо, правда?

Коннер рассмеялся и стиснул мою руку.

– Мне индийский пейл-эйл, а Джулии... – Он повернулся ко мне.

– Милый, ты же знаешь, – игриво отвечала я, внезапно почувствовав, что у меня кружится голова, – перед взлетом

я всегда пью розовое вино.

Коннер снова посмотрел на бортпроводницу.

– А знаете что? У нас сегодня особый день. Принесите-ка нам шампанского.

У меня в голове теснилась масса вопросов к одному из выдающихся архитекторов США, который к тому же оказался не лишенным чувства юмора и весьма доброжелательным человеком. Пусть сегодняшний день пошел не так, как я планировала, но все равно завершится он шампанским, которое я буду пить с симпатичным мужчиной. Самолет оторвался от земли, в воздухе нам предстояло провести четыре часа. Казалось, мои проблемы остались где-то далеко-далеко, и впервые за долгое время у меня возникло ощущение, что все возможно.

Корнелия. В последнем пути. 6 марта 1914 года

Тринадцатилетняя Корнелия Вандербильт всегда предпочитала жить в Эшвилле, а не в Вашингтоне, и все же особняк на Кей-стрит был для нее родным домом. Но теперь, ощущая в груди бешеный стук сердца, она осознала, что отныне никогда не будет чувствовать себя здесь как дома.

– Папа! Папа! – в отчаянии вопила Корнелия, тормоша отца за плечо.

– Джордж! – пронзительно вскрикнула Эдит, прижимая ладонь к лицу мужа. Увы, тот не реагировал.

Корнелия с Эдит только что поднялись на второй этаж. Они принесли Джорджу стакан воды с газетами и увидели, что он лежит в постели в неестественной позе, без признаков жизни.

– Эмма! – крикнула Эдит камеристку. – Доктора Митчелла сюда! Немедленно!

– Папа, доктор Финни сказал, что ты поправляешься! – голосила Корнелия. – Очнись! – Ее вопли перешли в рыдания.

Эдит встретила глазами с дочерью над бездыханным телом Джорджа. Дикая паника, охватившая Корнелию в первые минуты, сменилась глубоким безмолвным ужасом. Гля-

дя на мать, она заметила, что та дышит тяжело, прерывисто. Обе осознали, что Джорджа больше нет.

А ведь еще накануне вечером Корнелии казалось, что папа почти выздоровел. Он шутил, говоря, что не подпустит к дочери вашингтонских юношей. Корнелия училась в школе для девочек, но все равно у нее была масса возможностей общаться с приличными молодыми людьми. Джорджу всего лишь удалили аппендикс. Операцию провел один из лучших хирургов США. Он должен был поправиться. По-другому просто быть не могло.

Казалось, время остановилось. Эдит, задыхаясь от слез, обняла Корнелию. Несколько минут спустя приехал доктор Митчелл, семейный врач. Он лишь подтвердил то, что они уже знали: Джордж скончался.

Корнелия буквально физически ощущала, что какая-то часть ее самой тоже умирает. Кто теперь будет читать ей книги? Беседовать с ней об изобразительном искусстве, о музыке, изучать глобус, рассуждать, в какие страны они поедут в следующий раз? А когда она повзрослеет и встретит своего суженого, кто поведет ее к алтарю? Корнелии стало дурно, и, если бы не сильные руки обнимавшей ее матери, она наверняка в бесчувствии рухнула бы на пол.

Несколько дней спустя, когда Эдит и Корнелия ехали поездом в Нью-Йорк, чтобы похоронить Джорджа, Корнелия вдруг спросила:

– Мама, а если ты тоже меня покинешь, что будет со мной?

Эдит ласково взяла дочь за руку.

– Милая, я никуда не денусь. Теперь мы с тобой вместе против целого мира.

– Мама, а *вдруг*? – Корнелия почувствовала, как от волнения у нее начинает гореть лицо. Есть ли у мамы какой-нибудь план на этот случай?

– Девочка моя, у тебя есть тетя Полина, тетя Натали, тетя Сьюзан. Они о тебе позаботятся. Но со мной ничего не случится, обещаю.

Корнелия немного успокоилась при мысли, что у нее действительно полно родственников, которые не бросят ее погибать на улице, если случится самое страшное.

– А почему папу не хоронят в Билтморе? – спросила она. – Ведь ему там так нравилось. Да и мы будем жить там.

Эдит грустно улыбнулась дочери.

– Потому что всех Вандербильтов хоронят в фамильном мавзолее у подножья холма Тодт-Хилл.

– Это там, где вырос Командор, – неуверенно произнесла Корнелия. Она слышала множество историй о легендарном прадеде – железнодорожном магнате, создавшем состояние Вандербильтов. Он был совсем не такой, как ее добрый, заботливый папа. – Мама, но ведь мы же не сможем навещать его могилу.

– Знаю, Нелли. Но папа вложил много времени, денег и сил в проектирование этого мавзолея, и я уверена, что он хотел бы обрести последний приют именно там. В той усы-

пальнице покоятся его родственники, и он тоже должен быть похоронен там.

– Мама, но ведь это мы его семья.

И то правда.

– Когда ты вернешься в школу... – начала Эдит.

– Нет! – перебила ее Корнелия. – Нет, мама, умоляю, не заставляй меня возвращаться туда. Я хочу поехать в Билтмор. Там я буду чувствовать, что папа рядом. – В полном отчаянии девочка промолвила: – Лучше бы мы все погибли на «Титанике».

– Корнелия, – упрекнула ее Эдит. – Нельзя так говорить. Папа никогда не пожелал бы таких ужасов. Он был бы рад, что мы живы.

Меньше двух лет назад, в 1912 году, вся семья забронировала билеты на «непотопляемый» корабль, отправлявшийся в свое первое плаванье. Но в последний момент Эдит вдруг почувствовала непреодолимую потребность отказаться от путешествия на самом шикарном и потрясающем судне в мире. Она уговорила Джорджа вернуться на родину на борту корабля «Олимпик», на котором собирались плыть и его племянница с мужем. Они гораздо интереснее проведут время, убеждала Эдит, вечерами ужиная все вместе за большим столом; это будет грандиозно. Джордж долго дулся из-за того, что они отказались от престижного плавания на «Титанике», о котором только и было разговоров, – пока не пришла трагическая весть о его судьбе.

– Твоя мама нас спасла, – сказал Джордж Корнелии. – Ты всегда должна ее слушаться, потому что она плохого не посоветует.

Корнелия откинулась на спинку кресла и закрыла глаза, вспоминая, как она пела и смеялась вместе с отцом, как читала книжки, сидя рядом с ним в крытой галерее, как бродила в его огромной библиотеке, а он наставлял ее в выборе книг. Именно Билтмор был ей родным домом, а не особняк на Кей-стрит или Нью-Йорк; Билтмор был воплощением ее отца. Мысль о возвращении в школу, хотя там у нее были подруги, наполняла Корнелию тоской. В Билтморе она могла кататься на мулах со своей подружкой Роуз, выгуливать в Билтмор-Виллидж Седрика и Сноу, огромных сенбернардов, которые вели себя смирно, как ягнята. Там реже устраивали светские приемы и политические мероприятия, кампании по сбору денежных средств и чаепития. И мама почти все время проводила с ней. Слезы сочились из-под закрытых век Корнелии, струясь по щекам. Может, ее слезы разжалобили маму, может, что-то еще, но Эдит наконец уступила.

– Ладно, – сказала она, – если это так важно для тебя, мы вернемся в Билтмор, как только проводим папу в последний путь.

В последний путь. В последний путь. Эти слова звучали в голове у Корнелии на протяжении всей поездки – в поезде, потом на пароме, который, обогнув южную часть Нью-Йорка, доставил их к Тодт-Хиллу. И все же она никак не мог-

ла взять в толк, почему папу нужно было хоронить в Нью-Йорке, за сотни миль от его чудесного творения, где он упокоился бы с миром, среди волшебного леса, созданного им самим.

Джулия. Покупайте билет

Лучи утреннего солнца сочились сквозь тростниковую крышу столовой, где я завтракала бубликом с кофе. Одна из местных кошек подкралась к клинышку света на полу и, выгнув спину, растянулась на теплом пяточке. Я обратила взгляд на белый песок, к которому подступало сверкающее море, и улыбнулась, наблюдая, как несколько ребяташек, перевернувшись в каяке, визжат от восторга. Их мать, вынырнувшая из воды вслед за ними, не разделяла радости своих детей.

Солнце, волны, едва заметно покачивающиеся пальмы погружали меня в состояние глубокого довольства, и я почти позабыла, что превратила свою жизнь в полнейший хаос. А ведь я пробыла здесь всего два дня. Я глянула на настенные часы в столовой: почти десять. Скоро начнется занятие по сап-йоге. Времени хватало как раз на то, чтобы по дорожке, засыпанной битыми ракушками, дойти до своего домика на дереве и надеть бикини. Сап-йога стала моим новым увлечением. Паддлбординг я давно освоила. А уход из университета послужил толчком к тому, чтобы записаться на 250-часовой курс по йоге, по окончании которого я получила сертификат. Но до вчерашнего дня мне и в голову не приходило, что можно сочетать йогу с паддлбордингом. Это была блестящая идея. И теперь я стала фанаткой этого вида спорта.

На телефоне в моем номере мигала красная лампочка, уведомлявшая, что мне поступило сообщение, но я не придала этому особого значения. Кому понадобилось помогать-ся меня *здесь*? Правда, мой мобильный здесь не работает. Возможно, со мной хотели связаться мама или бабушка. Я решила, что не буду прослушивать сообщение, а лучше пораньше приду на занятие сап-йогой, как планировала. Но лампочка мигала так настойчиво, что я не устояла. А вдруг это Хейз? Готова я перезвонить ему?

Впрочем, раз уж я подошла к мосту, почему бы по нему не перейти? Я сняла трубку и нажала «ноль», вызывая оператора отеля.

– Слушаю вас, мисс Бакстер. – Вчера персонал отеля встречал меня как «миссис Митчелл», отчего позже я горько плакала. Была уверена, что совершила ошибку, ужасалась, представляя, что обо мне болтают дома. Всю ночь изводила себя. Но к утру успокоилась и сейчас пребывала в столь умиротворенном настроении, что об этом больше не тревожилась.

– Для меня есть сообщение? – уточнила я.

Портье зачитала его:

– «Завтра утром на борту “Морской сюиты” я устраиваю небольшой прием для фанатов архитектуры. Потом судно отправится на Анегаду⁷, и наше недолгое время в качестве

⁷ Анегада – самый северный из Виргинских островов и самый северный из Малых Антильских островов.

фиктивной супружеской пары закончится. Перезвони, пожалуйста. Твой Коннер.

Я рассмеялась.

– Соединить вас с этим абонентом? – спросила портье.

Я колебалась. Уже хотела отказаться, но потом подумала. даже если я не поеду, ответ-то нужно дать. То есть, конечно, я находилась за тридевять земель и ничем не была обязана этому совершенно чужому для меня человеку. Но с другой стороны...

– Да, – сказала я. – Соедините, пожалуйста.

В трубке послышался щелчок, затем – гудки. Я почти надеялась, что Коннер не ответит. И тогда получится, что формально приличия соблюдены, но напрямую общаться с ним мне не придется. Свой отказ я наговорю на автоответчик.

– Алло? – раздался густой голос на другом конце провода.

– Коннер?

– Значит, ты получила мое сообщение? – По его тону я поняла, что он улыбается.

– Да, но... – Я прикусила губу, собираясь сказать, что не готова отправиться с ним на морскую прогулку почти сразу после разрыва с женихом, что мне нужно проанализировать случившееся, покопаться в себе. Но что если ничего такого он не имел в виду? Что если с его стороны это просто дружеский жест? Тогда я выставлю себя полной дурой перед одним из своих кумиров.

– Ну, что скажешь? – спросил Коннер. – Яхта, вино, сыр,

я?

Я рассмеялась. Ладно. Значит, *возможно*, я поняла его правильно.

– Коннер, мне не хотелось бы оконфузиться, неверно истолковав твои намерения, но должна сказать, что буквально два дня назад я рассталась со своим женихом.

– Ммм-гм. Я тебя понимаю. Прекрасно понимаю. Но ведь мы сейчас на Британских Виргинских островах. Ты не можешь постоянно сидеть в номере. Позволь показать тебе окрестности.

Я посмотрела в окно, глядя мимо бамбукового крыльца на бескрайнее синее море, усеянное островами. Ну да, кто ж захочет торчать в номере все дни напролет?

– Так это не свидание?

– Именно что свидание, – расхохотался он. – Даже не сомневайся.

– Коннер! – сердито воскликнула я.

– Ну хорошо, хорошо. Мы поговорим о твоей странной архитектуромании, и я притворюсь, будто просто стараюсь быть дружелюбным, а вовсе не пытаюсь закрутить с тобой страстный роман, о котором мы с тоской будем вспоминать до конца наших дней.

С моих губ сорвался смех. Мило. Кто откажется от курортной интрижки? Да, я только что бросила Хейза у алтаря. Но ведь я – не скорбящая вдова.

Как бы то ни было, сама того не желая, я произнесла:

– Что ж, раз такое дело, кто же откажется?

– На то я и рассчитывал! – обрадовался он. – Значит, завтра в десять утра мое суденышко будет ждать тебя у пристани.

И лишь повесив трубку, я подумала: какой женщине, если она в здравом уме, придет в голову мысль отказаться от морской прогулки по Британским Виргинским островам с одним из ведущих архитекторов Америки? Но потом я вспомнила, что большинство американок вовсе не проявляют интереса к архитекторам. Я глянула на часы, стоявшие на тумбочке, и схватила свой телефон. Потом сообразила, что никто не может прислать мне SMS-сообщения, и неохотно положила его на место. Я не считала себя человеком, который жить не может без мобильного, но теперь мне стало ясно, что, возможно, я ошибалась. Спускаясь по лестнице без телефона, я почему-то чувствовала себя уязвимой.

Но по приближении к причалу мною все больше овладевало ощущение свободы.

Вчерашнее занятие по сап-йоге проводила крепкая уравновешенная женщина. Я была похожа на олененка Бэмби, который учится ходить. Сегодня мой паддлборд мне вручил загорелый мускулистый мужчина с белокурыми волосами до плеч. Рубашки на нем не было – одни только красные плавки. Я огляделась. Других учеников не было, и вчерашнего инструктора я тоже нигде не увидела.

– А где Дана?

– Понятия не имею, – пожал он плечами.

Я рассмеялась, опешив от его бесцеремонности.

– Разве не она должна проводить занятие?

– Нет, – покачал он головой. – Она уехала. Сегодня ваш инструктор я. – Он кинул взгляд вокруг, посмотрел на часы и широко улыбнулся. – Похоже, заниматься мы будем вдвоем.

– О, черт, – растерялась я. – Что ж, тогда давайте отменим. Это совсем необязательно. – Занятия один на один всегда психологически обременительны.

Не отвечая, он взял мою доску, положил ее на воду и помог мне встать на нее.

– Нам нужно отгрести на глубину, чтобы не случилось трагедии, если упадете с доски. Кстати, меня зовут Трав, – представился инструктор, когда мы на досках заскользили по водной глади, настолько чистой и ровной, что мне даже не хотелось тревожить ее.

– Джулия, – назвалась я.

– Прежде сап-йогу вы уже практиковали? – осведомился он. Я повернула голову в его сторону и заметила на его лице улыбку.

– А как же. Я профи со стажем, – живо ответила я и тут же на мгновение утратила равновесие, надеясь, что Трав этого не заметил.

– Значит, со вчерашнего дня?

Да уж. Естественно, он заметил.

– Так и есть, – рассмеялась я. – Паддлбординг, конечно, не

сильная моя сторона, зато я сертифицированный инструктор по йоге.

– Ну, это уже кое-что.

Спустя двадцать минут, когда Трав перешел на мою доску, помогая мне правильно встать в позу «собаки мордой вниз», я вдруг осознала, что, несмотря на сумасшествие последних трех суток, я получаю огромное удовольствие от отдыха на этом курорте.

Мне вспомнился рекламный листок «Айлэнд компани» на столбе, который я видела накануне: «Бросайте работу. Покупайте билет. Загорайте. Влюбляйтесь. Назад не возвращайтесь».

Перед глазами мелькнул Хейз. Затем Коннер.

– Трав?

– Джулия?

– По-вашему, все, кто приезжают на эти острова, мечтают остаться здесь навсегда?

– Не знаю. Я приехал на весенние каникулы. – Он кашлянул. – В 2012-м.

Мы оба расхохотались. Я никогда не считала себя человеком, который способен сбежать от привычной жизни на острова. Но теперь с каждой минутой все больше убеждалась, что, оказывается, я совсем не знаю себя. Пытаясь принять позу воина, я поняла, что пришло время это узнать.

Эдит. Все люди – призраки. *11 апреля 1914 г.*

После кончины Джорджа первая ночь по возвращении в Билтмор была невероятно тяжелой. Каждый скрип на лестнице, каждое растение в зимнем саду, каждое произведение искусства в гобеленовой галерее напоминали о Джордже. Каждый дюйм в доме вызывал в памяти образ человека, которого Эдит любила всем сердцем. Образ человека, который не вернется, чтобы спасти ее. В последующие недели после его смерти на убитую горем Эдит удары сыпались один за другим. Выяснилось, что деньги – по крайней мере, те, к которым она имела доступ – почти на исходе. На имя Корнелии был открыт крупный доверительный фонд, но распорядиться им она сможет только по достижении двадцати пяти лет, когда станет законной владелицей Билтмора. Пока же то, что у них оставалось, не покрывало даже суммы, которые Джордж отписал в завещании в наследство другим людям. К тому же он, без ведома Эдит, заложил их дом на Кей-стрит в Вашингтоне. Нужно было столько всего сделать, спасти, просчитать, однако она не в силах была взяться за дела – могла только скорбеть.

Эдит легла рядом с измученной изнуренной дочерью, свернулась калачиком под плотными тяжелыми простыня-

ми, которые Джордж приобрел еще до знакомства с ней, и стиснула усталую руку Корнелии.

– Мама, я чувствую, что он здесь. А ты? – с надеждой в голосе спросила девочка.

– Я тоже, Нелли. Я тоже. – Помолчав, Эдит добавила: – Я чувствую его присутствие всюду.

Но она лгала. И это было большее всего. Билтмор *напомнил* ей о Джордже. Иначе и быть не могло. Но она не слышала голоса мужа, не чувствовала его. Эдит не знала, что существует по другую сторону жизни, но за последние годы ее судьба тесно переплелась с судьбой мужа, и она была уверена, что он будет оставаться с ней даже теперь, после кончины. Но Джордж просто исчез – внезапно и безжалостно. Покинул ее в тот момент, когда она особенно в нем нуждалась.

В постель к хозяйкам запрыгнул Седрик, их огромный сенбернар. Что при обычных обстоятельствах псу строго воспрещалось.

Эдит рассмеялась.

– Я говорила тебе, что, по словам друга твоего отца Генри Джеймса, у Седрика со Сноу шерсть лезет, как у белых медведей?

Корнелия подхватила смех матери. Эдит радостно было слышать, что ее дочь снова смеется. Вообще-то, она не терпела собачью шерсть в спальне, но сегодня женщинам Билтмора компания еще одного живого существа была просто необходима.

Наконец Эдит услышала тяжелое дыхание Корнелии и Седрика, перенесшихся в своих снах куда-то в более счастливые края и времена. Тогда она сошла вниз по парадной лестнице и позвонила прислуге, чтобы ей принесли чашку чая в библиотеку. Библиотека Джорджа, темная, пышная, воплощала собой стиль рококо: мебель с красной обивкой, изумительная потолочная роспись «Колесница Авроры», каминные подставки с изображением Венеры и Вулкана работы Карла Биттера⁸, отлитые из позолоченной бронзы. Нобл, любимый слуга Джорджа, принес чай. Эдит опустилась в кресло Джорджа, стоявшее у пылающего камина. Ей вдруг подумалось, что Нобл выглядит очень молодо. Он служил в Билтморе с пятнадцати лет, и сейчас ему, наверно, было лет двадцать пять. Он был сообразителен, уравновешен и, вне сомнения, пользовался уважением у остальных слуг.

– Дом без него опустел, да, Нобл?

Он неспешно кивнул.

– Но вместе мы справимся, миссис Вандербильт. Мы всегда к вашим услугам, что бы вам ни понадобилось. – Нобл прокашлялся, пытаясь скрыть свои чувства. – Мистера Вандербильта всем нам будет не хватать.

– Нобл? – Эдит подумала, что, возможно, она излишне откровенна, но, с другой стороны, Нобл был фактически членом семьи. – Меня одно тревожит: похоронив Джорджа в Нью-Йорке, мы многих из вас, кто служил ему верой и прав-

⁸ Карл Биттер (1867–1915) – австрийский и американский скульптор.

дой и находился с ним рядом даже дольше, чем я, лишили возможности проводить его в последний путь.

– За это не переживайте, мэм. Мы отслужим здесь панихиду, и наши сердца успокоятся.

Но Эдит почти не слушала его. Ее взгляд скользил по рядам книг Джорджа, и в каждой, она была уверена, хранилась частичка ее мужа. Или, пожалуй, скорее, наоборот: в нем осталась частичка от каждой из них.

– Нобл. – Эдит не хотела вовлекать слугу в беседу, но она еще не была готова остаться одна. – Тебе известно, что Джордж слыл самым начитанным человеком в стране?

Она глотнула чаю, грея холодные руки о чашку из тонкостенного просвечивающего фарфора.

– Да, мэм, я слышал об этом. И в отношении своих книг он был великодушен, всегда давал их читать другим.

Эдит кивнула, поставила чашку на приставной столик и жестом показала на резное изображение масляной лампы над гобеленом, висящим над камином.

– А тебе известно, что символизирует масляная лампа на резных орнаментах и экслибрисах Джорджа?

– Нет, мэм, не думаю, – ответил Нобл.

Тем и хорош был Нобл, лучший из лучших среди прислуги. В Билтморе каждый уголок он знал как свои пять пальцев, в этом даже Эдит не могла с ним конкурировать. Но он понимал, что ей нужно с кем-то поговорить, и потому поддерживал беседу.

– Вечное стремление к знаниям, – объяснила она. Именно поэтому на каждом экслибрисе выгравировано: «Quaero ex libris Biltmoris». Узнавайте из книг Билтмора.

– Мистер Вандербильт, безусловно, знал, как это делать, – улыбнулся Нобл.

Эдит наконец обратила на слугу взгляд, рассматривая его внешность: рыжеватые волосы, выразительные глаза, облегчающий форменный жилет – одна пуговица медная, одна – серебряная, как было принято в Билтморе – безукоризненно чист и опрятен, даже в столь поздний час. Ей вдруг подумалось, что он, должно быть, очень устал за день, наполненный не только суетой, но и переживаниями.

– Спасибо, Нобл, – тихо поблагодарила Эдит слугу, отпуская его, затем откинулась в кресле и смежила веки. Едва Нобл удалился, на нее снизошел полный покой: она почувствовала, как ее обволакивают незыблемость, тишина и уют родного дома. Что-то холодное коснулось ее руки. Она вздрогнула, резко открыла глаза. Но это был всего лишь нос Седрика. Она потрепала пса по голове.

– Привет, мальчик. Ты тоже по нему скучаешь, да? – Верный пес лег у ее ног.

Эдит вздохнула, пропитываясь атмосферой грусти и покоя. Наконец-то она снова в библиотеке Джорджа, где можно отдохнуть, погоревать. Муж умер, а она даже не могла навещать его могилу. Во всяком случае, практически это было трудноосуществимо. Не часто у нее будет появляться

возможность выбраться в Нью-Йорк, чтобы побыть рядом с ним. Но Джордж, вне сомнения, здесь, среди его самых ценных приобретений – книг. В конце концов ведь именно в библиотеке живут призраки. Оноре де Бальзак, Чарльз Диккенс, сэр Вальтер Скотт. Здесь навсегда останется их дорогой друг Пол Лестер Форд; свою привязанность к Джорджу и Билтмору он увековечил в посвящении к роману «Дженис Мередит»⁹. Эдит жалела, что Джордж не написал книгу о своей жизни, что у нее нет ничего, рассказанного его голосом. Не имея его мемуаров, она взяла то, что он оставил после себя: одну из трех толстых тетрадей в кожаном темно-зеленом переплете, на котором золотом было вытеснено: *Книги, которые я прочитал. Д.В.В.*

– Человек сотворен из историй, – однажды сказал Джордж Эдит. Правда ли это? Найдет ли она его на страницах книг, которые он так любил? Воскресят ли они его?

Что читал Джордж незадолго до смерти? Эдит открыла последнюю страницу и провела пальцем по последней записи, сделанной небрежным убористым почерком мужа. Она всегда считала, что почерк у него изящный. Теперь – тем более. Потому что это – все, что осталось от него. Последняя запись гласила: *3159. Генри Адамс. «История США», т. 3.*

Ее удивительный эрудированный муж за свою недолгую жизнь прочел 3159 книг. И это только те, что он учел. Пора-

⁹ Пол Лестер Форд (1865–1902) – амер. романист и биограф, автор биографий Джорджа Вашингтона и Бенджамина Франклина.

зительно! И все же Эдит подумалось, что ей самой, пожалуй, не хотелось бы, чтобы последней ее книгой стало нечто скучное. Значит, отныне ей следует более тщательно выбирать для чтения литературные произведения, расценивая каждую книгу как итоговую в ее жизни. В предпоследней записи указывалось: 3158. *Генри Адамс. «История США», т. 2.*

Эдит сдвинула палец на строчку выше и замерла. Рука внезапно задрожала. 3157. *Л. П. Джекс*¹⁰. «*Все люди – призраки*».

Все люди – призраки. У Эдит по спине пробежал мороз. Возможно, она вкладывает в это слишком глубокий смысл. А вдруг это знак? От ее возлюбленного Джорджа? Неужели он предчувствовал, что скоро покинет этот мир и хотел сообщить Эдит, что вернется к ней? Но он не вернулся. Во всяком случае, пока.

Эдит сделала глубокий вдох, пытаясь успокоиться. Она не читала эту книгу. Может, эта книга вовсе не о призраках, и ее название – просто красивая метафора. Может, в ней излагается идея о том, что каждый человек – это оболочка, под которой скрыта его внутренняя сущность. Точно. Наверняка. Трясущейся рукой Эдит нашла книгу и взяла ее с полки. Помедлила, как иногда делала, представляя, что смотрит на сложившуюся ситуацию со стороны. Возможно ли, что ее

¹⁰ Лоренс Пирсолл Джекс (1860–1955) – англ. педагог, философ, священник-унитарий, получивший известность в период между 1-й и 2-й мировыми войнами.

почивший супруг оставил ей своего рода сообщение в его читательском дневнике, намекая, что она должна прочитать эту книгу и тогда он вернется к ней?

Нет, это полнейший бред. Но она теперь вдова. Причем вдова одинокая, у которой нет даже родителей. Ей сам бог велел немного тронуться умом, хотя бы на некоторое время.

Эдит открыла книгу на первой странице и, словно рассчитывая, что это вернет ей Джорджа, понюхала листы. Они пахли кожей и, может быть, немного дымом, поскольку в библиотечном камине всегда горел огонь. Неохотно Эдит начала читать. И у нее перехватило дыхание, когда она дошла до строк: «Ни один настоящий призрак никогда не признает себя тем, кем считаете его вы... Словом, отношение человечества к призракам воспринимается ими как постоянное оскорбление величия мира духов теми, кто стоит на низкой ступени интеллектуального развития; и по этой причине они редко являются живым или пытаются вступить с ними в непосредственный контакт, а делают свою работу тайком и обнаруживают себя только перед избранными».

Эдит не могла продолжать читать. Станет ли она одной из тех избранных? Да и хочет ли, чтобы Джордж навестил ее, явился ей, даже если б мог? Напугало ли бы это ее до смерти? Пожалуй. Эдит решила, что надо положить книгу на место, туда, где она стояла, и не искушать ни судьбу, ни призраков, даже если это призрак того, кого она любила.

Но, прежде чем вернуть книгу на полку, Эдит взяла с при-

ставного столика сигарету и дрожащей рукой после нескольких попыток все-таки ее закурила. Делая затяжку, она вдруг отчетливо услышала:

– Дорогая, ты ведь знаешь, я не позволяю курить в библиотеке.

Пронзенная страхом, Эдит вздрогнула. Седрик пулей вылетел из комнаты, словно увидел птицу. Книга в кожаном переплете выпала из ее руки, с глухим стуком приземлившись на выложенный елочкой паркет. Эдит огляделась и, никого не увидев, решила, что она сходит с ума. Но ведь пес тоже слышал голос. Он умчался из комнаты еще до того, как книга упала на пол. Или она просто переутомилась?

– Эди, это нормально, что ты меня слышишь, – снова раздался тот же голос. – Я хочу оставаться с тобой.

Еще раз затянувшись сигаретой, Эдит решила, что у нее слуховые галлюцинации и ей необходимо немедленно лечь в постель. Или же голос, что звучит у нее в голове, это плод ее разыгравшегося воображения, выдавшего ей то, что она хотела услышать. Но опять-таки, если верить тому, что написано в книге...

– Джордж, – прошептала она.

– Я здесь, Эди. Я здесь. Не волнуйся. Я помогу тебе со всем разобраться.

Впервые с тех пор, как она узнала об истинном финансовом положении Джорджа на момент его смерти, Эдит успокоилась, и у нее отлегло от сердца. Все то время, что Эдит

знала мужа, они с ним шли по жизни рука об руку. И это не должно измениться только потому, что он умер. У нее по-прежнему имелся партнер, пусть и безмолвный. Как наставлял ее Джордж, порой безмолвствующий партнер – самый лучший.

Джулия. Изысканные заведения

Меня учили, что надевать на свадьбу днем и вечером, на похороны, в церковь, на церемонию по окончании учебного заведения и на вечеринку в честь празднования рождения будущего ребенка. Но никто ни разу не сказал мне, в чем я должна отправиться на морскую прогулку по Британским Виргинским островам на роскошной яхте в сказочный день, тем более что это было мое первое свидание с тех пор, как я разорвала помолвку и сбежала в другую страну.

Надо же, какое очаровательное приключение, подумала я про себя. Порывшись в чемодане, я остановила выбор на белом бикини: благодаря искусственному загару оно будет контрастно смотреться на моем смуглом теле. Собираясь в свадебное путешествие, я купила новые пляжные халаты и накидки, но что если Коннер оденется не по-пляжному?

Я взяла длинное белое льняное платье до пят, решив, что это будет отличный компромисс: вроде и пляжный вариант, но нарядный. Внезапно я осознала, что лет десять, наверное, не выбирала туалет для первого свидания. С ума сойти! Причем ведь это не обычное свидание. Это – свидание с состоятельным известным человеком.

Я была так занята своим внешним видом, пока укладывала волосы, подбирала наряд и блеск для губ, что почти не нервничала. Я сунула ноги в золотистые сандалии и поспе-

шила по дорожке к причалу. Когда увидела Коннера в синих шортах и белой футболке, у меня что-то екнуло внутри. *Это не обязательно должно быть свидание – просто встреча двух родственных душ*, сказала я своему трепещущему «я». Эти две родственные души находят друг друга очень привлекательными. Оба загорелые, непринужденные, они разве что выпьют немного вместе.

Коннер наблюдал за моим приближением, стоял неподвижно, словно прирос к причалу. Было видно, что я произвела на него впечатление. Когда я подошла к нему, он наклонился и чмокнул меня в обе щеки.

– Ты столь же прекрасна, какой я тебя запомнил.

Я повела глазами. Когда мы познакомились, на моем лице лежал столь густой слой косметики, что казалось, будто оно покрыто шеллаком.

Коннер жестом предложил мне следовать за ним по причалу к небольшой надувной резиновой лодке, которая доставит нас к тому месту, где стоят на якоре крупные суда.

– Вот это и есть мой корабль, – сказал он, помогая мне сесть в лодку. – Грандиозный, да?

Мы оба снова рассмеялись. В принципе, с этим красавцем я была бы счастлива провести целый день и в маленькой лодке. Коннер дернул шнур, двигатель громко чихнул, дыхнул бензином, и мы тронулись с места. Я опустила руку за борт, касаясь воды.

– Я собирался поразить тебя своим мастерством судовож-

дения, – сказал Коннер, – но, по мнению экипажа, яхтой должны управлять они, чтобы я мог весь день посвятить тебе. – Я была немного разочарована, поскольку до этого воображала, как мы плывем одни в открытом море, Коннер учит меня отличать кливер от мачты и, стоя у меня за спиной, объясняет, как управлять судном. Конечно, чтобы крутить штурвал, большого ума не надо. Но, насмотревшись романтических комедий, я имела свое представление о незабываемом свидании и думала, что стояние за штурвалом является обязательным пунктом программы.

Я восхищалась парусниками, стоявшими у причалов. Интересно, к какому из них мы направляемся? Самым прекрасным, вне сомнения, было сверкающее серебристое судно с высокими мачтами, которые, казалось, вздымаются под небеса. Когда Коннер повернул ручку двигателя, направляя лодку к этой яхте, я вытаращила глаза.

– В самом деле? – Профессию архитектора я, конечно, выбрала не из-за денег, но, возможно, Коннер был еще более успешен, чем я думала. – Это *твоя*?

– Нет, нет, – рассмеялся он. – Ты ведь знаешь, что я спроектировал башни Гаррисона?

Разумеется, это я знала.

– Так вот, это яхта Гаррисонов. Ее отдали в мое распоряжение в качестве благодарственного подарка.

У меня, должно быть, челюсть отвисла от изумления.

– То есть ты говоришь, что экипаж не позволит тебе про-

демонстрировать свое умение потому, что для управления этим судном нужна целая команда?

– Именно, – кивнул Коннер.

Двое мужчин в белых поло и черных шортах помогли мне подняться на борт, и передо мной тут же выросла женщина в аналогичной униформе с двумя безупречно чистыми бокалами. (Я это отметила, потому что на островах, тем более на судне, безупречно чистые бокалы – большая редкость).

– Позвольте предложить вам «Морскую сюиту»? – обратилась ко мне женщина.

– Спасибо, – улыбнулась я, принимая от нее бокал. – А что это за «Морская сюита»? – поинтересовалась я шепотом, чтобы Коннер не слышал. А то вдруг это абсолютно традиционный напиток, о котором я слыхом не слыхивала.

– Яхта носит название «Морская сюита», и это наш фирменный коктейль, только менее крепкий, если мы подаем его ко второму завтраку.

Что ж, в чужой стране жить – чужой обычай любить, разве нет? Я приподняла бокал в знак приветствия и пригубила напиток. Коннер тоже взял бокал, кладя ладонь мне на спину.

Стюардесса отступила в сторону, и я увидела, что на палубе накрыт большой стол, на котором стояли две одинаковые тарелки с синей каемкой и инициалами «СС» посередине. В центре стола благоухал букет цветов, в которых я узнала – после нескольких месяцев предсвадебных хлопот – розовые

лютики.

– Голодна? – спросил Коннер.

– Разве у нас свидание? – вопросом на вопрос ответила я, вскидывая брови.

– С каких это пор поздний завтрак считается свиданием? – широко улыбнулся он. Поздний завтрак это, по сути, всегда свидание.

Мы сели за стол, и перед нами тотчас же вырос один из тех матросов, которые помогли мне взойти на борт.

– Завтрак будет подан, как только мы выйдем в море.

– Значит, это и есть твоя жизнь? – спросила я, пристально глядя на Коннера.

– Шутишь? – расхохотался он.

Я пожала плечами. Откуда мне знать? Заработали двигатели.

– Мне в буквальном смысле пришлось делать паспорт, чтобы приехать сюда. Я впервые за границей. Не был в отпуске с... – Он помолчал, вспоминая. – Вообще никогда. Я ни разу не отдыхал с тех пор, как начал работать. Когда Гаррисоны сказали, что предоставят в мое распоряжение яхту, честно говоря, я даже вообразить не мог, что это будет настоящий дворец.

Мы отчалили. Я расслабилась.

– Надо признать, я рада, что ты предложил мне вместе с тобой насладиться этой роскошью.

– Надо признать, я тоже рад. – Мне уже было ясно, что

с моря Виргинские острова будут выглядеть совсем не так, как из окон моего домика на дереве. Я ничуть не жалела, что согласилась на эту прогулку.

– Итак, в целом, надеюсь, на такой медовый месяц ты считывала? – спросил Коннер.

Я прыснула со смеху, так что изо рта едва не полился коктейль.

– Понятно, – произнес он. – Я рискнул и, похоже, поторопился.

Это уж точно. И все равно я улыбалась, когда передо мной поставили тарелку с яйцами «Бенедикт»¹¹.

– Мисс, мы также готовы предложить вегетарианский и безглутеновый варианты этого завтрака, – сообщила стюардесса.

– Я готова съесть все, что прежде не съест меня, – ответила я с улыбкой.

Она рассмеялась.

Я положила в рот кусочек бутерброда и, смакуя его на языке, сказала:

– Так вот как живут архитекторы? Сплошной гламур: стофутовые яхты, команда, величающая тебя «сэр», постоянные полеты во всему миру.

– Именно, – кивнул Коннер. – Или парализующее неверие

¹¹ Яйца «Бенедикт» – блюдо на завтрак, представляющее собой поджаренные половинки булочки, на которые кладут яйца-пашот и кусочек ветчины, залитые голландским соусом.

в собственные силы, разбавляемое крошечными проблесками славы, которые сменяются негативными отзывами случайных прохожих о зданиях, которые ты спроектировал, что заставляет полностью переосмыслить свою жизнь и все, что в ней есть.

Я рассмеялась, вдруг подумав, как странно, что он приехал сюда на отдых один.

– Вот ты знаешь всю мою печальную историю, а мне о тебе ничего не известно. По-моему, это несправедливо. – На самом деле, я немного преувеличила. Он не знал *всей* моей печальной истории.

– Да у меня нет печальной истории. У меня супернормальная жизнь.

– Супернормальная жизнь – это нонсенс. Так не бывает, – возразила я.

– И то верно. Я просто имел в виду, что мои родители женаты уже сорок лет и до сих пор любят держать друг друга за руки. Сестра вышла замуж за парня, с которым она встречалась со школы, и у них недавно родился первенец.

– Парни, с которыми встречаешься со школы, обычно не оправдывают твои ожидания.

– На мое счастье. – Коннер приподнял бокал.

Я усмехнулась.

– Счастливые родители – это большое дело.

– А твои не счастливы?

Я пожала плечами.

– Живут они вместе. А вот счастливы ли? – Я задумалась, устремив взгляд вдаль. – Иногда – да. В принципе – часто. Но знаешь, как бывает: два человека и жить не могут друг с другом, и друг без друга для них не жизнь.

– Да, бывает. Среди друзей такое сплошь и рядом. Мне просто повезло, что меня бог миловал от подобного личного опыта.

– Завидую, – кивнула я. – У меня такого опыта хоть отбавляй. Удовольствие ниже среднего. – Воспоминания о Хейзе отозвались болью, будто в меня вонзился осколок стекла. Глянув в бокал с мартини, я осознала, что пью слишком быстро. Мысли путались. – А у тебя как? – спросила я, стремясь поскорее сменить тему разговора. – Подружка есть?

– Да. И она не возражает против того, чтобы я катал на яхте по Карибам красивых женщин. В любом случае, сама она не захотела ехать со мной в эту дыру.

– Я ее понимаю. Эти яйца «Бенедикт» в рот не взять. – Они были божественны. – С моей стороны не будет дерзости, если я спрошу, почему ты здесь один-одинешенек?

– Нет, – рассмеялся Коннер. – Не будет. Мы в международных водах, а здесь все дозволено. – Он пригубил мартини. – Через пару дней я встречаюсь с двумя из своих лучших друзей, мы немного побудем на Анегаде, а потом заберем моих родителей на Сент-Томасе¹² и поплывем на Йост-Ван-

¹² Сент-Томас – один из Американских Виргинских островов, где находится столица территории – порт Шарлотта-Амалия.

Дейк¹³. Оттуда – на Тортолу¹⁴, где и закончится мой отпуск. Ты не поверишь, но никто не смог взять трехнедельный отпуск, чтобы составить мне компанию на все время моего отдыха. – Он поднял бокал. – Слава богу, что хоть с тобой я познакомился.

– За это и выпьем! – Я тоже подняла свой бокал.

Коннор положил салфетку на стол.

– Пойдем на нос, притворимся, будто это наша яхта, и будем ехидно высмеивать серые массы, ползающие на своих пятидесятифутовых суденышках. – Он стянул с себя футболку и бросил ее на стул.

Я сняла платье, приготовившись загорать, и последовала за ним.

Мы устроились на шезлонгах на носовой части палубы, нежась на идеально теплом солнце.

– Не возражаешь, если мы совершим небольшой круиз? – спросил Коннер. – Я подумал, что мы могли бы пообедать в «Согги доллар»¹⁵.

– С удовольствием! – просияла я. Про этот знаменитый пляжный бар я много читала.

¹³ Йост-Ван-Дейк – один из Британских Виргинских островов. Входит в состав архипелага Виргинские острова Малых Антильских островов.

¹⁴ Тортола – крупнейший и самый населенный из Британских Виргинских островов.

¹⁵ Soggy dollar Bar – бар на острове Йост-Ван-Дейк. Свое название получил (букв. «мокрый доллар») из-за того, что любители поплавать частенько расплачиваются в нем мокрыми купюрами.

И тут я осознала, что, находясь в чужой стране, я зачем-то согласилась на морскую прогулку с едва знакомым мужчиной на яхте, которая даже ему не принадлежит. Пожалуй, это была не самая блестящая идея. Но коктейль, солнце, спокойное море притупили мою бдительность. Умиротворенная, я отмахнулась от тревог, думая лишь о том, какой красивый у меня будет загар.



Тремя часами позже мы снова подплывали к берегу в своей надувной лодке. Волны разбивались о борта ялика, грозя его перевернуть.

– Зря я отказался от помощи Акселя, – сказал Коннор и рассмеялся, когда нас опять окатило брызгами.

Аксель. Первый помощник капитана. Интересно, сколько человек обслуживает эту яхту?

– Тогда это было бы не приключение, – заметила я, перекрикивая рев прибоя. На удалении от берега море было спокойно, но вблизи прибойные волны бесновались, взмывая под небеса, хотя погода была ясная.

Наконец мы каким-то чудом добрались до берега, и я помогла Коннеру вытащить лодку на песок.

Мое белое платье-макси, которое еще утром казалось исключительно элегантным, теперь липло к телу, как тряпка.

Я сомневалась, что прилично появляться в баре в купальнике, но мокрое платье тоже не вариант. Я стянула его с себя и разложила сушиться на борту ялика.

– В таком виде можно идти в бар? – спросила я Коннера, глядя в сторону бара – пыталась рассмотреть, во что одеты посетители, сидевшие за столиками под открытым небом.

– Можно ли идти в «Согги доллар» в бикини? – переспросил он. – Думаю, в этом заведении посетителей в других нарядах не обслуживают.

Коннер взял меня за руку, подвел к одному из столиков и плюхнулся на пластиковый стул. Я жалела, что не взяла с собой полотенце. Впрочем, оно, наверно, тоже промокло бы насквозь. Я с опаской посмотрела на стул.

Только я села, козел – самый настоящий – запрыгнул на наш низкий столик и с любопытством уставился на меня.

Я расхохоталась.

– Я вожу тебя только в самые изысканные заведения, – сказал Коннер.

Но именно это я рисовала в своем воображении, мечтая о поездке на острова – непритязательные пляжные бары, разгуливающая живность, живописная атмосфера.

Коннер попытался стащить животное со стола, взяв его за ошейник, – на нем я заметила эмблему университета – конкурента того, в котором училась я, – но козел и не думал повиноваться, стоял как вкопанный, жалобно мекая ему в лицо.

Мы оба зашлись истерическим хохотом.

– Победа за ним, – заключил Коннер, откидываясь на спинку стула.

– Козел – не самая худшая компания, в которой мне приходилось обедать, – отозвалась я.

В этот момент мною овладело острое желание написать письмо бабушке, что я делала очень, очень часто. Мне хотелось сообщить ей, что я чудесно провожу время, мне весело, и я напрочь забыла про свою свадебную драму, про дом, про работу, про все на свете. Что для меня сейчас существуют только Коннер и этот сказочный день. И я знала, что еще раз отправлюсь с ним на морскую прогулку, если он меня пригласит.

Эдит. На возвышенности.

16 июля 1916 г.

Из-за дождя, лившего стенами, Эдит почти ничего не видела. На ней самой нитки сухой не осталось; она с трудом удерживалась в седле на мокрой лошади. *Господи Всемогущий, сделай так, чтобы дождь прекратился*, молилась она про себя. Из-за проливных дождей, что шли неделю назад, значительно поднялся уровень воды в эшвиллской реке Френч-Брод-Ривер. Четыре дня погода стояла сухая, но потом опять зарядил дождь, да еще какой! Рядом верхом ехал Нобл, вызвавшийся сопровождать Эдит.

– В газетах написали, что вчера в районе Блу-Ридж осадков выпало больше, чем за одни сутки во всех Соединенных Штатах! Представляете? – прокричал он Эдит, чтобы его слова не потонули в шуме дождя.

– Очень хорошо представляю, Нобл, – насмешливо отозвалась она, чувствуя, как дождь заливает ее лицо.

Никто не знал, чего ждать дальше. Одно можно было сказать наверняка: вода в реке прибывала. Помимо Эдит и Нобла еще с десятков обитателей поместья разъезжали верхом по округе, помогая переселять семьи из домов, которые могли быть затоплены.

Корнелия, старшая экономка и камеристка Эдит, остава-

лись в особняке, организуя прием беженцев. Корнелия была недовольна, что ее не взяли с собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.